

Сергей Данилов

Сад Шкроева —
люди и судьбы

Томск

Данилов С.К.

Д 54

Сад Шкроева – люди и судьбы, 112 стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Городская усадьба с просторным домом на большую семью, в котором на протяжении многих лет живут вместе несколько поколений, с обширным, прилегающим к дому садом, цветником в палисаднике, клумбами в зелёном уютном дворике, играя в котором подрастают дети, на протяжении нескольких последних десятилетий постепенно исчезала с карты Томска, и к сегодняшнему дню сошла практически на нет.

В то время как в начале двадцатого века в таких усадебных частных домах проживало почти всё городское население, а до середины 50-х годов, хотя уже и в более стеснённых условиях, – преобладающая часть жителей города.

На страницах книги делается попытка документально воссоздать историю одной такой семьи, выстроившей дом в Томске, посадившей вокруг него замечательный сад, ставший на многие годы украшением города, и в течение пяти поколений здесь жившей.

В 40-90 годы прошлого века усадьба была известна под именем «сад Шкроева».

Хотелось увидеть сад Шкроева в развитии, может быть даже на уровне идеи, мечты его создателей, собрать истории, с ним связанные, попытаться соединить материалы фамильного архива: письма, открытки, фотографии, документы в целостный, непрерывный поток времени.

При этом более всего внутреннюю необходимость создания такого описания можно ощутить благодаря строкам поэтического дневника девушки, проведшей в доме с садом почти всю свою жизнь:

*«Встаёт ласкательно и дружно бывшее счастье и печаль,
И лжёт душа, что ей не нужно того, что так безумно жаль».*

О подобном чуде, должно быть, мечтала в тяжёлые времена Марина Цветаева, написав: «За этот ад, За этот бред Пошли мне сад На старость лет».

Судьба вела создателей сада Шкроева по непростому маршруту через революции, войны, ранения, болезни, многолетнее бездомное существование, от которого у многих других опускались руки. На долю продолжателей их дела также выпало немало разного рода испытаний, а главное, очень-очень много работы, благодаря которой только и возможно сохранять и преумножать красоту нашего мира. Ту самую, которая его всё-таки спасает.

Определим основной круг лиц, причастных к созданию сада Шкроева, его многолетнему процветанию в Томске, о ком далее пойдёт речь:

1. Алексей Иванович Шкроев (1904–1977), его жена Галина Станиславовна Майковская (1909–1988), их дочь Лия Алексеевна Симакова (1931–2004).

2. Родители Г. С. Майковской: отец – Станислав Клементьевич Майковский (1881–1937), мать – Мариамна Семёновна Майковская (в девичестве Сапицкая) (1882–1969).

3. Родители А. И. Шкроева: отец – Иван Иванович Шкроев (1877–1951), мать – Валентина Евграфовна Шкроева (1887–1975).

4. Сестра М. С. Майковской – Лидия Семёновна Островская (1883–1957), её первый муж Александр Александрович Островский (1885–1915), сын Сергей Александрович Островский (1905–1929), второй муж Валериан Аркадьевич Седмиградский (1877–193х

5. Брат И. И. Шкроева – Сергей Иванович Шкроев (1882–1956), его жена Мария Капитоновна, их сын Владимир Сергеевич Шкроев (1916–1988).

К началу двадцать первого века фамилия «Шкроев» оказалась для Томска настолько редкой, что, к примеру, в городском телефонном справочнике за 2005 год она попросту отсутствует. На некоторое время как бы исчез из памяти сад Шкроева, забылось даже место, где он был расположен. В 1991 году известнейший томский краевед Витольд Славнин писал в книге «Томск сокровенный»:

«...Та же печальная участь постигла и плодовый сад «второго среди равных» – А.И. Шкроева... Многие годы он совмещал преподавание в томских вузах со страстным увлечением садоводством, нередко выступая достойным конкурентом Перова (известный томский садовод). Но пришла смерть и взяла с собой не только Алексея Ивановича, но и возделанный им участок. Сейчас и не вспомнить, где находились «шкроевские делянки»; только приблизительно указывают некоторые томичи: где-то на чётной стороне улицы Белинского, на подъёме к елани. Такая вот получается история».

Печальное предположение. Однако стоит в нынешние времена Интернета набрать в поисковике фамилию «Шкроев», как вдруг, точно по волшебству, начинают всплывать факты и картины жизни, которая вроде бы давно и навсегда канула в Лету.

Вот Т. Могильницкая, зам. редактора многотиражки «За кадры» Политехнического института вспоминает: *«Редактором газеты был начальник военной кафедры Сергей Фёдорович Родионов, а с 1944 г. – проректор института Анатолий Петрович Казачек. В редакции работали зав. кафедрой геодезии Борис Иванович Большанин, математик Алексей Иванович Шкроев – известный в городе садовод, очень эрудированный и остроумный человек...».*

Ветеран Томского электромеханического завода пишет, что в цех, начальником которого был В. И. Николаев (впоследствии главный инженер ТЭМЗа), в военные годы часто приходил *«инженер из Политехнического Шкроев».*

Интернет-текст «Черепичная, пять» содержит строки: *«Кусок двора с южной стороны дома, граничивший с соседней усадьбой, именовался «Задом». Там стараниями бабы Тани вскоре появился садик: бузина, кусты малины, жимолость и даже яблонька, так называемая ранетка. Пытались эту яблоньку привить, операцию провёл опытный садовод-любитель Шкроев. Но дворникова коза обглодала ствол, бабушка Таня умерла. Новые побеги пошли от корня дички и благополучно разрослись в ветвистое дерево. Эта яблонька прожила где-то до шестидесятых, по весне радуя глаз и нос пышной кипенью белого цвета...».*

Пожалуй, более всего в Сибири фамилия Шкроевых оказалась известна в Омске, где имела «шкроевская церковь», а также в небольшом городке Новосибирской области Куйбышеве (прежде Каинск Томской губернии), где также была своя «шкроевская церковь» и даже «шкроевский банк».

В Каинске проживал известный своей благотворительностью купец I гильдии Иван Васильевич Шкроев. Вот что сообщает современный сайт KainSkSib.ru об этом человеке и его жене:

Шкроев Иван Васильевич (1837–1896) – купец I гильдии, церковный староста, городской голова... Иван Васильевич был известен своей благотворительностью. В разные годы он жертвует 20000 руб. на строительство богадельни, будучи церковным

старостой Спасского собора жертвует 3000 руб. на его благоустройство. Согласно его завещания 60000 руб. было пожертвовано на строительство Иоанно-Предтеченской церкви и 29000 руб. на содержание её причта. А также 20000 на городской банк. Построенный согласно завещанию городской банк носил название «Шкроев банк».

Шкроева Александра Ивановна (1846 – 1921), купеческая I гильдии вдова, почётная блюстительница Каинского 2-го приходского мужского училища. Передала городской думе 20 тыс. рублей, завещанных её покойным мужем на учреждение в Каинске городского банка. В 1903-1904 гг. построила церковь Иоанна Предтечи. Построила и содержала на свои средства 2 богадельни, гимназию ((1897 г.) – школа №1), церковно-приходскую школу (1906) на Большой Набережной (Свердлова, 34 – б. Станция юных техников). Проживала в собственном 1-эт. деревянном доме с подвалом, построенном в 1912 г. на Базарной улице (Куйбышева, 22 - детский тубдиспансер).

В современном Куйбышеве существует туристический маршрут к дому купца Шкроева, восстановлена и действует церковь Иоанна Предтечи.

Известно, что Алексей Иванович Шкроев был родом из Каинска. В начале 20-х годов его отец Иван Иванович Шкроев и дядя Сергей Иванович с семьями переехали в Томск, где в 1922 году Алексей Шкроев поступил в Томский университет, став студентом физико-математического факультета.

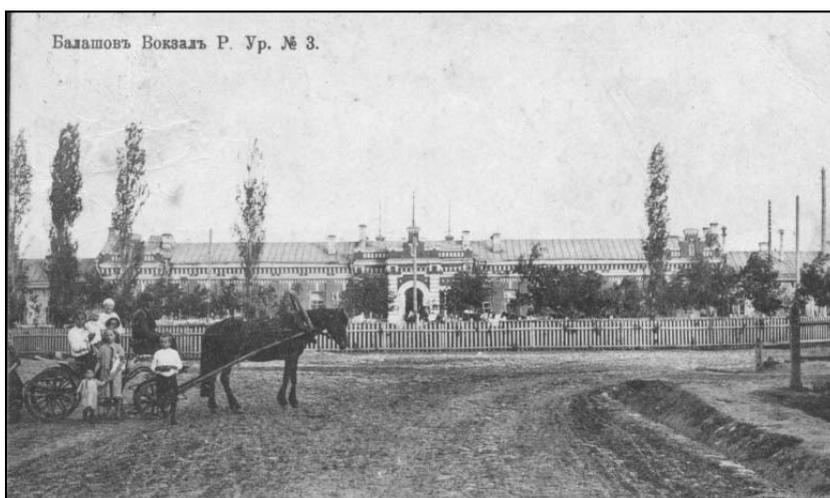
ГЛАВА 1

Начнём рассказ с того, что 4 июля 1930 года Алексей Шкроев, молодой человек двадцати шести лет от роду, выпускник Томского университета, находясь по делам службы в Москве, купил открытку треста «Мосрекламсправиздат» с изображением Петровки, намереваясь послать её родителям в Томск.

Слева восточный фасад Большого театра, справа – универмаг Мос-торга (бывший «Мюр и Мерилиз»), построенный в 1909 г. арх. Р. И. Клейном.

В семье было правилом из деловых поездок сообщать родственникам о пути своего следования, посылая из самых разных мест весточки на открытках или в коротеньких письмах, часто с фотографиями.

Так, по дороге на фронт в 1-ю мировую войну отец Алексея, Иван Иванович Шкроев, прислал открытое письмо следующего содержания: «Алёша! Шлю тебе открытку со станции Балашов. Прибыли 27-го февраля в 3 дня. Едем на Царицын. Привет всем от меня, а маме особенный. Здесь тепло на улице есть лужи воды. Едем в

товарных вагонах. На станции в лавках продаются интересные вещи, но послать трудно – от города до станции 2 версты. Город небольшой и говорят очень грязный. Будь здоров.

Адрес: Сибирь г. Каинск Томской губернии Алексею Ивановичу Шкроеву.

Ещё до рождения сына, и даже до свадьбы, в 1903 году, будучи в Нижнем Новгороде по торговым делам на ярмарке, Иван Иванович сфотографировался и прислал своей невесте Валентине Евграфовне Антоновой фотографию.

Алексей надписал свою открытку в Москве, а отправить смог, судя по штампу, лишь с вокзала Вологды.

Дорогие папа и мама!

Еду в Архангельск. В Москве не нашёл времени для написания письма. Пришлю из Архангельска. Из Москвы выезжаю сегодня 4 июля в 22-30. Адрес: Томск, Заливная 21 кв. 2 Шкроеву Ив. Ив.

Общество «Комсевморпуть», в то время Северо-Сибирское акционерное общество торговли и промышленности «Комсевморпуть», основанное в 1928 году в Новосибирске, направило его в командировку.

Необходимо было перегрузить приборы, привезённые из Новосибирска и Томска, на поезд, уходящий в Архангельск, согласовать вопросы программы в Астрономическом институте, самым тщательным образом всё проверить. В предстоящем путешествии любая мелочь могла оказаться невосполнимой, делая невозможным выполнение главной задачи, важность решения которой для будущего прекрасно осознавали и руководители общества «Комсевморпуть», и сам выпускник Томского университета Алексей Шкроев.

В удостоверении, лежащем в кармане молодого специалиста, был проставлен экзотический пункт назначения командировки: Карское море.

Из Архангельского порта ему предстояло пуститься в плавание на борту парохода, носившего куперовское название «Зверобой», в качестве астронома-геодезиста через Белое, Баренцево и Карское моря.

В обязанности входили наблюдения за звёздным небом по всей трассе Северного морского пути от Архангельска до Таймыра, с целью сбора данных для разработки новой навигационной системы полярной авиации, создаваемой, разумеется, без орбитальных спутников, космической связи и прочих атрибутов новейшего времени.

Как покажет в скором будущем папанинская эпопея, авиация является необходимым условием освоения Северного морского пути. В свою очередь сама авиация без надёжной системы ориентации на бескрайних ледяных пространствах Северного Ледовитого океана и занесённой снегом береговой линии обречена на нескончаемые героические жертвы.

Летом 1930 года из Архангельска и Мурманска вышли в плавание несколько караванов судов с самыми разными заданиями.

Важнейшей считалась экспедиция Отто Юльевича Шмидта, которой впервые в истории арктического мореплавания удалось тогда на ледоколе «Георгий Седов» пройти в северные районы Карского моря к западным берегам Северной Земли и высадиться на ней.

Открытие Северной Земли было совершено русской «Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана» на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» в начале XX века. В 1930 году экипаж «Седова» в качестве первопроходца, ступившего на Северную Землю, давал названия составлявшим её островам – к Большевику, Октябрьской Революции, Комсомольцу и Пионеру добавились остров Шмидта, Воронина и ряд других.

В то же самое время шхуна «Зверобой» исследовала на Таймыре устье реки Пясины. Данный район Таймырского полуострова имел стратегическое значение для проекта промышленного развития российского Крайнего Севера.

На северную оконечность Сибири в район Норильска прежде было организовано несколько арктических экспедиций, в том числе геологических. Определяющую роль для региона и всей последующей истории страны сыграли изыскания Н. Н. Урванцева, которые проводились в начале 20-х годов. В 1922 году его экспедиция провела замеры Пясинской водной системы и открыла путь из Карского моря до реки Норилки.

В 1923 году были открыты и разведаны месторождения горы Рудной, Угольного ручья (близ современного города Норильска), а в 1924-м произведена пробная добыча руды, доставленной в Ленинград для опытной плавки. Анализ показал высокое содержание никеля и платины. Однако дальнейшая разработка месторождения была затруднена в связи с нехваткой средств. Работы продолжились в 1929 году. Хотя водный путь из Норильска в Карское море был известен, дело стопорилось из-за опасности его в устье.

«Зверобой» делал в том сезоне попытку разыскать подходящий фарватер из Карского моря в реку, который с проведением реконструкции мог бы сделать реку Пясину судоходной, однако при этом сам наткнулся на неизвестную каменную морскую гряду и, получив пробоину, затонул. В итоге водный маршрут через Пясину был признан неэффективным, а для связи Норильска с возведённым на Енисее портом Дудинка впоследствии построили железную дорогу Норильск – Дудинка.

Что же касается срочности выполнения командировочного задания А. И. Шкроева, реальная история полярной авиации начиналась именно в это время: в конце 20-х – начале 30-х годов. В 1929 году на Игарскую протоку приводился первый гидросамолёт, ведомый лётчиком Борисом Чухновским. Летом 1932 года беспосадочный перелёт от Красноярска до Игарки на самолёте «Дорнье-Валь» был осуществлён за 10 часов.

Теоретические основы нового способа навигации были разработаны профессором Томского университета Н. Н. Горячевым тоже в конце 20-х годов.

В декабре 1928 года в Ленинграде Н. Н. Горячев прочёл на 4 съезде астрономов РСФСР доклад «Подбор певцовских пар звёзд для разных географических широт», летом того же года его студент Шкроев проходил практику в Пулковской обсерватории, апробируя теорию в стационарных условиях.

Для применения нового метода необходимо было предварительно произвести фиксирование параметров (звёздные пары Певцова) на протяжении Северного морского пути, чтобы затем посредством большого числа вычислений создать достаточно простые таблицы, при помощи которых, с использованием специальных радиосигналов, передававшихся круглосуточно (к 1930 году на протяжении Западной части Северного морского пути до Таймыра включительно построено 19 радиостанций), а также знания точного времени, штурман самолёта в полёте мог достаточно быстро определять собственные координаты.

Первоначально Шкроеву предлагали даже «лететь на аэроплане», непосредственно из кабины фиксируя астрономические параметры Арктики, но технически это было неосуществимо, поэтому он отказался от явной авантюры, предпочтя ей тоже весьма непростое морское путешествие в арктических широтах.

Сохранилась записка Алексея Шкроева его томской знакомой Галине Майковской от 7 мая 1930 года, переданная по случаю со знакомыми из Новосибирска, где он в то время работал в «Комсевморпути», одновременно являясь студентом 5 курса, дипломником физико-математического факультета.

Галка!

Я задержусь в Н-ске на неопределенное время. С учреждением (имеется в виду «Комсвморпуть») дело обстоит неважно:

1. Мой инструмент передали в другое учреждение на 1 год.

2. Хотели послать на аэроплане. Я отказался.

3. Предлагают работать с другим, менее точным инструментом. Я отказываюсь вплоть до увольнения.

Отчёт не закончил. Свой адрес не знаю (забыл № дома) спроси у мамы (имеется в виду В. Е. Шкроева). Только не № 60 – это старый номер (кажется, 57).

Напишу письмо потом. Пиши до востребования.

7.V.1930

Находясь на пароходе в порту, он сфотографировался при помощи камеры, которая вместе с научным скарбом была доставлена на борт. Фото отправил в Томск Гале Майковской с надписью: *Архангельск, июль 1930. Гале Майковской в знак доброй дружбы.*

История повторялась: как его отец, Иван Иванович Шкроев, посылал из поездки фотографию своей невесте, которая вскорости станет его женой, так и Алексей послал из путешествия фотографию девушке, которая тоже в следующем, 1931 году выйдет за него замуж.

ГЛАВА 2

Галя Майковская, та самая девушка, которой в знак доброй дружбы была послана фотография из Архангельска, родилась в 1909 году в Москве. Сохранился её альбом, относящийся к периоду 27–29 годов, – время учёбы в томской 1-й трудовой школе-девятилетке и на первом курсе медицинского факультета Томского университета.

Поэтический альбом всегда есть в некотором смысле дневник чувств, куда попадают из прочитанного строки, что ближе именно сегодня, в данную минуту, сейчас. Коротко пробежимся по страницам, отмечая авторов и даты записи, где таковые имеются в альбоме.

Итак, начало:

*Я люблю эту тихую пору рассвета,
Замерцавшей в скучающем сердце любви,
Боязливую ласку немого привета
И огонь, до поры затаенный в крови...*

Далее с надписью «Сергей Есенин “Папиросники”», стихотворение о беспризорных, по-видимому, картина близкая и привычная томичам:

*Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос...*

Следом, на недавнюю смерть Есенина:

*Красивым, синеглазым
Не просто умирать.
Он пел, любил проказы,
Стихи, село и мать...*

21 июня 1927 года записано стихотворение К. Бальмонта:

*Я был царевичем из сказки,
Всех мимоходом мог любить
И от завязки до развязки
Вёл тонко-шёлковую нить...*

Ещё одно, 1 июля:

*Улетели священные ибисы,
Не алеют озёра фламингами,
Пронеслись австралийские лебеди,
Апокалипсис птичий свершён...*

Ставшее иносказательным по советским временам стихотворение. Галине Майковской в это время семнадцать лет, на детство пришлась первая мировая война, которую отец провёл на германском фронте, а они с матерью жили в Красноярске. В 1916 году семья перебралась в Томск к сестре матери Лидии Семёновне Островской. Здесь их застала гражданская война. Недавно вернувшегося с фронта отца мобилизовали в белую армию. За что в 20-м году ему пришлось отсидеть год в тюрьме ВЧК.

Лето 1927 года – последние школьные каникулы.

3 июля записана полностью баллада «Король и шут», имеющая для политической ситуации юбилейного года революции свежее звучание.

*Король забавляется...
Радостный двор доволен весельем владыки;
Гремит славословий услужливый хор,
Несутся заздравные крики...*

И тем же днём, 3 июля, помечен романтический стих В. Мазуркевича «Геба»

*Стан высокий, роскошный и стройный
Дышит прелестью детски невинной...*

А 10 июля настроение минорное:

*Шепчут вязаы, шепчут ивы,
Налетают ветерки,
Шепчут дивные рассказы
Про отживший век счастливый
И колышут тростники...
Ты помнишь, как нам рисовали,
Бывало, пылкие мечты
Сиянье люстры в бальном зале
И шёлк, и ленты, и цветы...*

Приближается десятилетняя годовщина советской власти, всем понятно, что возврата к прежней жизни не будет. Она стёрта с лица земли, уничтожена «полностью и окончательно», как писали газеты. Впереди непрестанные лихолетья, войны, голод и холод. Так что о «воздушно-лёгких нарядах, рядах весёлых юных пар, улыбках нежных и взглядах волшебнее волшебных чар» предпочтительней забыть да учиться науке выживания в условиях террора власти против собственного народа.

Оказать сопротивление режиму, покрывшему страну густой сетью жесточайшей в мире карательной системы ЧК – ОГПУ, перед которой царская охранка казалась детской игрой в казаки-разбойники? Этот вопрос стоял в головах многих молодых и не очень людей. С расстояния пройденных лет становится очевидным, что ответ на него был дан отрицательный.

*Сердце – алтарь,
Где пылает огонь всепрощенья.
Как больно по нём ни ударь,
Не раздастся там отклика «мицень!»...
Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пусть в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи!..
Лишь жить в самом себе умей!
Есть целый мир в душе твоей...*

Жить в себе самом трудно всегда, а особенно по молодости лет.

*Уста мои молчат в тоске немой и жгучей,
Я не могу, мне тяжело говорить.
Расскажет пусть тебе аккорд моих созвучий,
Как хочется мне верить и любить...*

И далее стихотворение, помеченное 2-м ноября 1927 года:

*Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцисс, к воде склонённый, блеск и холод сонных вод.
Я люблю тебя, как звёзды любят месяц золотой,
Как поэт – своё созданье, вознесённое мечтой...*

С началом учебного года школьная тематика преобладает:

*Все активные ребята
Языками чокают,
От общественной работы
Ахают да охают.*

Частушка:

*Картины висят – запыляются,
Ленин с Рыковым сквозь пыль
Улыбаются.*

Или:

*Наш Зайковский, как оглобля
С томными глазами.
Подбородок глядит в небо,
В небо с облаками.*

* * *

*Глебка Бельшев, что ангел:
Голубые глазки,
Носик, вздёрнутый слегка,
В общем, «принц из сказки».*

* * *

*Наш завшколой молодец,
Всех возьмёт в работу:
Рой, копай, таскай, носи
До седьмого поту.*

* * *

*Десять лет Октября быстро пролетели,
Вбили в нас здоровья дух,
Да здоровье в тело.*

Интересно, по-видимому, собственное четверостишие Гали на последней странице альбома, первые две строки написаны красивым, безупречно каллиграфическим почерком:

*Школа наша по картинке
Старым замком кажется*

А две последние спрятаны среди каких-то нуликов, черканий и линий:

*Только жизнь внутри неё
С замком тем не вяжется.*

В конец альбома помещены отрывки большой поэмы на школьную тематику под названием «Unsere Schule» (Наша школа). Творцами её являются ученики Сергей Рахманин и Борис Ширген.

*С давних пор на этом свете,
На вертящейся планете,
Прозываемой Землёй,
Проживает род людской.
Среди царств больших и малых,
Королевств, империй шальных
Есть на свете том одна
Разудалая страна...
Сорок тысяч вёрст границы,
Совнарком и две столицы,
Города, моря и сёла,
Мужики, деревни, школы,
Маяки – науки света,
Пункты Главполитпросвета.
Город Томск – очаг культуры,
ВУЗы, ГИК и Горсовет,*

Школы лишь рабочей нет.
Для решения вопроса
Члены профсоюз Рабпроса
Стали, значит, затевать,
Чтобы школу открывать.
Ожидали, заседали,
Открывали, обругали,
И открыли наконец,
Удивив людей вконец.
С заводом тоже попотели.
Завод выбрали Гомеллю.
Человек был занятой,
Часто в школу ни ногой.
Ну и, ясно, при Гомелле
Началось у нас веселье:
Стёкла били, дверь ломали,
На уроках часто спали,
Каждый время убивал
И арапа заправлял.
Педагоги тоже злились
И халатно относились.
География у нас
В год сменялась по пять раз.
Время много или мало
С этим заводом протекало,
Только школа наконец
Захирела, как мертвец.
Друзья школы видят тут –
Скоро школе-то капут.
Надоедливый запрос
Получает Завсоцвос.

В школе был он во второй
Совединой трудовой,
Педагог Иштван Сокали,
И ему-то Завсоцвос
Нашу школу преподнёс.
Тут без долгого мечтанья
Он явился на собранье
И сказал ребятам так:
Мол, здорово, guten Tag!
Я, мол, в школах понимаю
И к рукам вас прибираю.
Словом, выразился так:
Мол, Гомелля-то – дурак.

В школе он завёл порядки,
Партой спину гнут ребятки
Сверху вниз, потом в сарай,

*Плахи с брёвнами таскай.
И когда ему охота,
Всех он может взять в работу –
Двор мести, копать картошку,
Доску выстругать немножко,
Починить забор дощатый.*

*Школа, стало быть, не зря
Носит имя Октября.
Иштван нас частенько мучит,
Он немецкому нас учит:
На уроках битый час
Разглагольствует о нас,
Что-де глупы мы не в меру,
Принимать крутые меры
Будет с нами он теперь...*

В «Нашей школе» даны портреты многих учителей и учеников, практически все они написаны с любовью и добротой:

*А теперь, товарищ, слушай.
Для меня он самый лучший
От печали нету слов,
Литератор – Русаков.
Дал нам много новых знаний
И читал, смеялся с нами
Эти первые главы,
А теперь... в волнах Невы.
Софья Дмитриевна Титова,
Нечего сказать плохого,
Всем она хороший друг –
Вождь естественных наук.
Есть в лаборатории ейной
Всеразличный скарб музейный:
Черви, бабочки, жучки
И... Залозного зрачки.*

В качестве отрицательных персонажей представлены лишь создатели «школьного Ревтрибунала» и, с лёгкой язвительной иронией, – директор школы: «Многих будет он почище. В здоровенных кулачищах Так сжимает школьный руль Будто едет в Ливерпуль».

В другом альбоме директору школы Иштвану Сокали неизвестным автором посвящено отдельное стихотворение:

*Нас немецкий гложет, гложет,
Надо знать слова, слова,
А читать совсем не можем,
Не спрягали никогда.
Не спрягали, не склоняли,
Не умеем мы писать,*

*Потому что нам Сокали
Не желает правил дать.
От страницы до страницы
Мы параграфы зубрим.
Иштван нам не помогает,
Мы читаем, как хотим.
Где же знанья в результате?
Право, только не в уме.
Или в книжке, или в тетради?
Не известно это мне.*

С первых слов делается совершенно очевидно, что никакой Сокали не педагог и не учитель. Иностранец, неважно говорящий по-русски, занимающий свои учебные часы запугиванием школьников крутыми мерами, которые к ним предпримет. Но почему именно ему Завсоцвос «преподнёс» школу, как сказано в поэме? Откуда в начале двадцатых годов в Томске взялся сей европеец, быстро ставший сначала учителем одной школы, затем директором другой? Когда и сегодня, при наличии известных благ цивилизации в домах в виде центрального отопления и канализации, каждый новый иностранный преподаватель томских университетов, будь то китаец или американец, – новость, о которой почтёт за честь написать любая местная газета. И не одна, и не один раз поведает читателям о жизни гостя на родине и в морозной Сибири, а также о виденьи гостем города Томска, в особенности прекрасной его половины. Программы местного телевидения обязательно покажут героя в профиль и анфас, как он живёт и гуляет по улицам, разговаривает с аборигенами, или даже катается на велосипеде.

Но в школьной поэме о «происхождении» иностранца-директора почему-то не говорится ни слова. Вроде бы таких тогда, говорящих «гутен таг» лучше, чем «здравствуйте», было вокруг много, и всем прекрасно ясно, кто они такие и откуда взялись, да и не полагается о том говорить: не буди лихо, пока тихо. Так кто же он, Иштван Сокали?

Перед нами ставшая ныне почти мифической благодаря негласной цензуре советского и постсоветского периода фигура «красного мадьяра», волею случая выхваченная из реальных будней двадцатых годов на страницы любительской поэмы. Интересно, что в шестидесятые годы двадцатого века школьные учебники содержали похвальное слово о «красных мадьярах – непримиримых борцах-интернационалистах за правое дело и мировую революцию», а вот сегодня и университетские отчего-то помалкивают.

К примеру, учебник, выпущенный историческим факультетом Московского университета (куда уж выше?) в 2008 году «История России с древнейших времён до наших дней» (авторы В. Фёдоров, В. Моряков, Ю. Щетинов) ни единым словом не упоминает о красных мадьярах, хотя про Чехословацкий корпус написано достаточно, в том числе указана его численность в 45 тыс. человек, при всём при том, что красных мадьяр было по крайней мере на порядок больше.

Похоже, табу на упоминание о них продолжает действовать и в наши дни.

Проговариваются лишь названия улиц городов от Дальнего Востока до Украины: спустя почти век они красноречиво свидетельствуют, насколько широка была география красной мадьярской славы.

И действительно, немало кровавых пятен на земле России оставили эти «интернационалисты»: тут и участие в расстреле семьи Николая II в Екатеринбурге, и расстрел интеллигенции захваченного Красноярска, и безоговорочное уничтожение на месте любого русского крестьянина, несогласного, что у него отбирают лошадь, и множество других,

говорящих о карательной миссии, взятой на себя красными мадьярами по отношению к гражданскому населению.

Мадьяры – самоназвание венгров. Подобно чехам со словаками, будущие «красные мадьяры» являлись пленными времён I мировой войны, бывшими солдатами и офицерами Австро-Венгерской империи.

По национальному составу под знамя «красных мадьяр» встали австрийцы, венгры и немцы, в противовес чехам и словакам. Когда Чехословацкий корпус, сформированный в России ещё до революции из военнопленных – славян австро-венгерской армии, сделал попытку эвакуироваться через порты Дальнего Востока для переброски во Францию, Германия потребовала от Советской республики немедленно разоружить корпус, и ленинское правительство приняло приказ к исполнению – немецко-австрийско-венгерские военнопленные были организованы Советами в Особые бригады Красной армии, и в дальнейшем использовались Троцким в качестве регулярных частей против чехословаков и Белой армии. Численность красных мадьяр превышала совокупную численность армии белых вместе с корпусом.

Материалы Омского военного округа, хранящиеся в Омском государственном архиве, обобщены в статье «Германские и австрийские пленные (1914-1917)» (museum.omsktelecom.ru), где говорится, что во время первой мировой войны в русском плену оказались 2104146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167082 военнослужащих германской армии.

В Томске, входившем в Омский военный округ, зимой 1915 – 1916 годов военнопленных было размещено 52006 человек, что сравнимо с общей численностью тогдашнего городского населения. К 1 января 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199077 военнопленных, а на территории Иркутского – 135944.

По подсчетам российских историков, австрийцы и немцы составляли примерно 20 – 22% всех военнопленных габсбургской армии, т. е. приблизительно 400 – 500 тыс. человек, вместе с пленными немцами германской армии это составляет уже 550 – 650 тысяч плюс 150 – 200 тысяч венгров, итого 700 – 800 тысяч, из которых в распоряжении Советского государства оказалась боеспособная армия красных мадьяр численностью до 700 тысяч штыков, обладающая военным опытом и враждебно настроенная к России, против которой недавно воевала, и к славянам вообще. Бои белочехов с красными мадьярами отличались той особой степенью ожесточённости, при которой пленных не брали: «Станция Кын» (polilet.livejournal.com). Не зря впоследствии австриец Гитлер первым делом напал на Чехословакию, мстя славянам за поражение Габсбургской империи в 1-й мировой войне, не признавая за ними ни права иметь собственную государственность, ни человеческой расовой полноценности. Права человека на славян, по мнению этого ефрейтора и многих других вояк австро-венгерской и германской армий, не распространялись, славяне имели право быть только рабами.

Таким образом в одночасье в глубине России, практически на всей её территории была мобилизована уже отлично обученная кадровая иностранная армия огромных размеров со своими офицерскими кадрами, боевым опытом, названная коммунистическими идеологами «красными мадьярами», что звучало для уха русского того времени всё же лучше, чем, к примеру, «красные австрийцы», «красные германцы» или «красные австро-венгры». Не так предательски.

Можно сказать, что появлению товарища Сокали в рядах педагогического руководства город Томск обязан наличию здесь во время I мировой войны лагеря австрийских военнопленных. Содержание было свободным, то есть утром после завтрака военнопленные отпускались под честное слово в город на поиски работы, в отсутствие местных мастеровых, забранных на фронт, трудились даже на железной дороге, кроме того, на плен-

ного из военного министерства шло довольствие, как на рядового русской армии, отпускались «квартирные» средства. Австрийцы неплохо зарабатывали, некоторые даже женились. Известно, что супруга Сокали была учительницей той же школы, большой «активисткой».

После пирровой победы в гражданской войне новая власть спешно укрепляла руководящие кадры в первую голову из числа бойцов, сражавшихся на её стороне, а красные мадьяры относились к таковым целиком и полностью.

Лишь в постсоветское время открылась роль диктатора и палача Крыма, комиссара Особой интернациональной бригады Бела Куна, именем которого в Томске до сих пор называется улица, который со товарищами после завершения гражданской войны расстрелял не только тысячи сложивших оружие белых офицеров и рядовых, не пожелавших эмигрировать с Родины, обманутых красной пропагандой, обещавшей им мирную трудовую жизнь, но даже безногих-безруких инвалидов, лежавших в крымских госпиталях со времён I мировой. Классовая ненависть кипела в сердце или месть немилосердного врага? Имеется в Томске улица, носящая имя другого «красного мадьяра», лейтенанта 85-го пехотного полка австрийской армии Ференца Мюнниха, ярого сподвижника Куна в карательных акциях.

Остаются сокрытыми, замалчиваются другие кровавые дела, как-то: участие бригад и полков красных мадьяр в заградотрядах – расстрел отступающих русских красноармейцев, многочисленные массовые расстрелы заложников, в том числе женщин и детей из числа мирного населения, артобстрел сёл и деревень из орудий прямой наводкой, уничтожение без суда тысяч и тысяч «классовых врагов».

Фактически 1918-1921 годы стали генеральной репетицией будущих всемирно известных карательных операций, которые провело уже следующее поколение немцев, австрийцев и венгров, одетых в форму войск СС, так сказать, «мадьяр коричневых» на территории России во времена II мировой войны – преступлений против человечности, зафиксированных, раскрытых и осуждённых Нюрнбергским процессом, жестокость которых заставила содрогнуться мир.

Отсюда следует, что и гражданскую войну в России нельзя называть таковой из-за участия в ней огромного числа иностранных легионеров, по существу, частей германской армии, сражавшихся за высшие интересы Германии с населением России под непосредственным руководством прогермански настроенного коммунистического правительства, изначально выступавшего за поражение России в I мировой войне, мечтавшего, по выражению Ленина, «войну империалистическую перевести в войну гражданскую», что им удалось осуществить. И той решающей роли, которую иностранные легионы при этом сыграли. А крылатая фраза, включённая во все учебники советского периода: «Сын пошёл на отца, а брат на брата», – не более, чем долгоиграющий жупел сфальсифицированной коммунистическими властями истории, доживший, к сожалению, до наших дней. На его основании некоторые современные зарубежные историки всерьёз рассуждают о параноидальности русского народа, склонности его к самоуничтожению: разделились-де на «красных» и «белых», и в безумной драке погубили миллионы – самих себя.

В памяти томских школьников двадцатых годов на все грядущие времена директор Сокали остался, как показан в поэме: «Посреди Иштван стоит, педагогам говорит, и, прижавши пальцем рот, пишет “сведенья” в блокнот».

*Только раз раздался ропот –
В Томск приехал из Европы
Сердцем и костюмом чист
Иностранный журналист.*

*Он не тратил время даром,
Не гулял по тротуарам,
А приехавши, тотчас
Заявился в Наробраз.
Там, не медля, право слово,
В оборот забрал Орлова
И сказал ему: «Месьё,
Слово слушайте моё.
Там, за морем, за границей,
Сочиняют небылицы,
Дрянь услышишь не одну
Про Советскую страну.
Сэр Орлов, прошу Вас очень,
Сходим в школу между прочим,
Посмотрю я – там, у нас,
Изругали Наробраз».
Тут Орлов не растерялся,
Хоть в душе и поругался.
(Вот, мол, навалился груз!)
– Сэр, пойдёмте в школу-ВУЗ.
Будни были, или занятия,
Вся учащаяся братья
Разместилась на полу.
Как конфетти на балу.
Вы решили – метод Фребель?
Нет, отсутствовала мебель,
Поясню без лишних слов.
Позабыл о том Орлов...
Он по зданию шагает,
Дверь за дверью отворяет,
Ожидая похвалу, –
Все ребята на полу.
Онемел он: «Боже, Боже!
Это как же? Это что же?
Ах, какой большой конфуз,
Вот тебе и школа-ВУЗ!»...
После вышел к журналисту
И соврал довольно чисто,
Словом, дал такой ответ:
– Карантин, занятий нет!*

Твёрдой рукой наводятся порядки, при которых «Партой спину гнут ребятки: Сверху вниз, потом в сарай, Плахи с брёвнами таскай». Под столь замечательным руководством школу-ВУЗ в скором времени переименовали в Трудовую имени Октябрьской революции. Ничего не попишешь, веление коммунистического времени – идти на жертвы во имя Мировой Революции: для взрослых отдельно взятой «разудалой» страны организуются соловецкие, норильские, нарымские концлагеря, а для детей – подготовительные трудовые колонии и школы.

Исключительно трудовое обучение желал преподавать директор Сокали юным россия-

нам, требуя беспрекословного выполнения его команд в атмосфере гнетущего страха, для чего использовал любые карательные меры, вплоть до «товарищеского» ревтрибунала.

Окончив школу, Галина Майковская год проучилась на медицинском факультете Томского университета, откуда в конце первого курса её «вычистили» как дочь «лишёнца», т. е. человека, лишённого советской властью гражданских прав.

*Сердце будто забило тревогу,
Пережитого стало мне жаль,
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль...*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с клёнов листьев медь,
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришлось процвести и умереть...*

*О, верю, верю, счастье есть!
Ещё и солнце не погасло,
Заря молитвенником красным
Пророчит радостную весть...*

*Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!..*

*Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже...*

2 июля 28 года.

*Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем...*

28 июля 28 года.

*Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.*

РАДИЩЕВ

*О, дар небес благословенный,
Источник всех великих дел –
О, вольность!
Вольность – дар бесценный!..*

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...
Опять тоска... Безумная стихия
С громадной силою мою терзает грудь...*

*Ты – моё васильковое слово,
Я навеки люблю тебя...*

*Пусть слабеют и гаснут душевные силы,
Пусть мы видим кругом беспросветную тьму,
Мы готовы бороться, терпеть до могилы,
Лишь бы было за что, лишь бы ведать, к чему...*

*Мы любим дом, где любят нас.
Пускай он стар, пускай он душен,
Но лишь бы тёплое радушьё
Цвело в окне хозяйских глаз...*

*Мне мил стихов российских жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он их главный штабс-маляр,
Поёт о пробках в Моссельпроме...*

*Встаёт ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжёт душа, что ей не нужно
Того, что так безумно жаль!!!*

Под этими строками даты поставлены трижды: 3 октября 28 года, 26 февраля и 2 сентября 29 года.

*Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный...*

*Мне грустно и легко;
Печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...*

Здесь же в альбоме страничка с адресами. Адрес дедушки Семёна Гавриловича Сапицкого: г. Минск, ул. Старо-Слободская, 45, адрес двоюродного брата Сергея Островского – краснофлотца, с которым переписывалась. Вот письмо от него за 1925 год. Островскому в то время 19 лет, живёт в Одессе, моряк.

Здравствуйте дорогие дядя и тетя я уже не писал больше года, но и от вас писем не получал, я сейчас живу очень прекрасно, интересно как у вас там идет в дебрях Сибири жизнь, здесь же на Украине в Одессе в эту зиму морозы доходили до 15 градусов тепла так что зима была как лето. Я всетаки поплавал за границей 3 месяца с лишним, теперь же нас сократили но плакать нечего так как работ в порту много и порт обеспечен еще на 10 лет работой так что я живу пока хорошо пишите что делает Галя и как поживают у вас там все мой адрес на Украину город Одесса главный почтамт С. А. Островскому пишите на почтамт потому что я недавно перебрался в большой дом где меня еще никто не знает и ваши письма могут затеряться пока до свидания жив здоров

*ваш Сергей.
13/X 1925 года*

Здравствуй дорогая Галя отвечаю тебе на твое письмо от 2 /IX 28г и большое число открыток. Первым делом поздравляю тебя с Рождеством Христовым и как студенту университета Галя я прочел твое письмо мне очень понравилось твое описание характеристик жаль только что твоей не хватает, Галя извини меня за одно я не могу писать писем или не умею слагать их так что не удивляйся если я буду перескакивать с одного предмета моментально на другой, ростом я как был так и остался в тебе 164 см во мне 153 ты на 11 выше что касается моего характера то я пожалуй такой и остался упрямый настойчивый и злой пишу я сам о себе потому что за меня некому будет описывать мою характеристику, что касается спорта то я никаким не занимаюсь кроме как на веслах и под парусами, вообще спорт я люблю но моя жизнь все время складывалась так что я не мог им заниматься, Галя я сейчас напишу 3 письма в Томск и одно бабушке в Минск потом я думаю что всетаки карточки я от тебя добьюсь ты Галя пишешь что в этом письме ты послала давно написанную открытку но ее тут нет, ну а пока всего хорошего мой адрес новый уже с середины октября такой

Транспорт Красный Ленинград кр-флотцу

Сергею Александровичу Островскому

Конечно город Кронштадт пока всего хорошего поклон дяде и тете, пока жив и здоров.

С. А. Островский.

Теперь Галя я буду отвечать на твои открытки но не по очереди а в каком порядке они мне попадутся в виду того что на них нет чисел, Галя сколько я не получал от тебя писем и открыток все время ты то сдаешь зачеты то на лекции но я так думаю что учатся только зимой а у тебя как то и летом и зимой, Галя я не мог раньше отвечать в виду того что так сложились обстоятельства наш корабль пошел в ремонт в Питер осенью в каком месяце я не помню и команду начали расписывать так что тогда мне не было времени а на новом корабле надо было привыкнуть. Погода у нас в Кронштадте вечно хмурая и сырая здесь солнце летом тоже редкость но вообще в этом году на всей Балтике лето было самое скверное ну а снег выпал наверное в середине Декабря, но морозов еще не было. Время у нас у матросов вообще мало ну а что касается разных кружков то это счастье есть но я не в одном из них не состою потому что не хочу последнюю открытку получил я когда ты писала на перемене и в тот день когда первый раз пошел снег.

Галя напиши как живут дядя с тетей и чем они занимаются, ну а пока всего наилучшего поклон дяде и тете.

Жив здоров.

Серж.

В 1929 году Сергей Островский погиб в Кронштадте.

Вновь наплывает обычная скука.

Снова не хочется жить...

Будет весна и будет осень,

Будем ли мы вместе?

8-го августа 1929 года в 5 ч 43 м

*Мы никогда друг друга не любили,
В своих сердцах привета не носили,
Случайных встреч и взоров не ценили,
И разошлись, как в море корабли.
Но, разойдясь, сквозь сумраки ночные
Мы с трепетом в сердцах своих прочли,
Что наши души – близкие, родные,
Что полюбить друг друга мы могли.*

*Ах, всё равно мне, всё равно,
Иди теперь, куда ты хочешь.
Грустишь ли ты, или хохочешь,
Или забыл всё давно...*

*Сылет черёмуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе...*

*Пусть я буду любить другого,
Но и с ним, с любимым, с другим,
Расскажу про тебя, дорогого,
Что когда-то звала дорогим.*

Добрый день, Галя!

Ты, наверное, никак не ждешь от меня письма, тем более местного.

Тебя, я знаю, занимает вопрос: почему я давно не показываюсь на глаза. Ларчик открывается просто: я ликвидировал все свои «неотложные» дела и пока моей ближайшей и единственной целью жизни является скорейшее окончание университета.

В этом направлении мои дела идут удачно: до конца осталось три предмета.

Когда будет посвободнее дышать, а это будет в первых числах марта, я предстану перед твоими светлыми очами. Ты, по всей вероятности, предполагаешь, что я тебя совсем, совсем забыл. Нет и нет! О чем пусть свидетельствует это письмо. Мне очень хочется узнать как твои дела с Университетом и другие.

Если тебя не затруднит, то, я надеюсь, ты мне обо всем черкнешь.

Я сейчас сижу и ругаю себя за свою недогадливость. Давно нужно было написать тебе хоть несколько строчек. Ну, да у тебя сердце доброе и ты уж как-нибудь прости мою несообразительность.

Ну, Галя, не огорчайся. Через неделю-две, может быть, забегу. Если вздумаешь ответить, буду очень рад.

Жду...

1930 /II. 23 А. Шкроев

Томск, Шумихинский пер. 28-б.

Здравствуй, Алёша!

Да, я действительно никак не ждала от тебя письма. Спасибо за него.

Ты пишешь, что знаешь о том, что меня занимает вопрос: почему ты давно не показываешься, прости, но я никак не могу понять, откуда ты это знаешь?

Правду сказать, я так и думала, что деканат заставил тебя раньше оканчивать, чем ты предполагал, а, следовательно, знала, что ты занят. Ну, если занят, так в чём же дело? Я предполагала, что в марте заглянешь, и не ошиблась. Рада, что твои дела идут хорошо, желаю, чтобы они шли еще лучше и скорее кончались.

Ну, а о том, что ты меня забыл или не забыл, я еще не успела подумать, а если бы подумала, что забыл, то даже письмо не могло бы убедить меня в обратном, ведь я страшно упряма.

Спрашиваешь, как мои дела? На этот вопрос ответить одним словом: по-прежнему, т.е. из Новосибирска ни приветов ни ответов. Думаю, что раньше следующего года ответов не пришлют, и поэтому собираюсь учиться на чертёжника, если не восстановят, пригодится, да и если восстановят, не помешает. Потом, за неимением дела, послала на днях заявление на заочные курсы СОНО. Программа этих курсов, говоря кратко, техника росписи по тканям и стеклу. Была несколько раз в кино и ходила на «Ярость». Ну и больше ничего нового нет, вернее, о чём бы стоило писать.

Ты советуешь мне не огорчаться, как видишь, я не собираюсь этого делать. Разреши думать, что найдёшь минутку-другую, чтобы черкнуть, и несколько, чтобы зайти. Жду.

Пока до свидания.

Г. Майковская. 27/II 30 года.

ГЛАВА 3

Пока «Зверобой» шёл через Белое, Баренцево моря, через пролив Югорский шар в море Карское, экспедиция академика Отто Юльевича Шмидта следовала на ледоколе «Георгий Седов» из Баренцева моря через северные районы Карского моря к западным берегам Северной Земли.

Между экспедицией О. Ю. Шмидта и лётчиками полярной авиации, с которыми летел специальный корреспондент «Комсомольской правды» А. Том, шло негласное соревнование, кто первыми достигнет берегов Новой Земли и отыщет новые географические объекты, которым можно будет дать название. В этом соревновании победил Шмидт.

О гибели «Зверобоя» читатели узнали из «Комсомольской правды» № 13, где поместилась статья: «Зверебой на мёртвом якоре» специального корреспондента А. Тома. Далее с небольшими сокращениями приведём её содержание, дополняя текст фотографиями, сделанными А. Шкроевым и никогда прежде не опубликованными. На следующей видна «зимовка Громадского», располагавшаяся на берегу Карского моря.

«Во время нашего пребывания в гостях у Зенона Громадского мы лишились языка. Владимир Анатольевич Тюнин, радист самолёта, так “усовершенствовал” передатчик, что он перестал работать. Действовал один приёмник. Перед отлётом с Диксона было условлено, что дважды в сутки местная радиостанция поддерживает с нами связь. Связь была утеряна на третий день. Но регулярно после каждой посадки экипаж устанавливал 10-метровую мачту, натягивал антенну, и Тюнин садился дежурить за приёмником...

Сейчас Тюнин тоже сидит за приёмником.

– Ю-Шар передаёт метеосводку. Маар-Сале зовёт Новый порт. Диксон...

Нас интересуют только “Седов”. Где находится ледокол? Удалось ли ему подобраться к Новой Земле?

Стрелка конденсатора стала.

– “Седов”!

Карандаш Тюнина расшифровывает тире и точки в простые записи бортжурнала. “Закончили выгрузку, приступаем к сборке дома...”

Соревнование окончилось. Мы биты. “Седов” опередил и пришёл раньше на Север-

ную Землю. Хотя и у нас теплится ещё надежда, что льды, возможно, не позволят кораблю подняться в более северные широты, – “Седов” подошёл с юга, и нам ещё предстоит своим полётом исследовать и выявить лицо архипелага, – но всё же основная “пальма” уже находится в других руках.

Обидно.

И, пока мы выражаем друг другу соболезнование, делимся печалью, Тюнин привскочил, и, выронив тетрадь журнала, кричит:

– Погиб “Зверобой”!

– “Зверобой”?!?

– Что?

– Я только что слышал работу “Неупокоева” (гидрографическое судно). “Неупокоев” сейчас находится около устья Пясины. Там же погиб “Зверобой”. Отчего – не знаю. Об этом ничего не говорится в радиোগрамме. Но... – Тюнин смущён, потом говорит, – “Неупокоев” вызывает сейчас на помощь теплоходы. Очевидно, имеется какая-то надежда на спасение ихуны.

– Так что же, погибла ихуна или нет?

– Шхуна – не знаю, но люди целы. Стоп, стоп...

Проходит пять, десять минут, листы бортжурнала покрываются записями, но в них нет ничего нового. “Неупокоев” запрашивает срок возможного прибытия теплоходов к месту катастрофы, просит сообщить мощность водоотливных средств и не забыть прихватить водолазов.

– На машину!

Свёртываем лагерь и отправляемся в конец бухты, где находится наш самолёт. Разводим костёр и греем воду. Во избежание всяких недоразумений с радиаторами, боясь, как бы замороженная вода не разорвала их соты, Квятковский спустил её в первую же ночь посадки в Мидендорфе. Теперь надо нагреть 12 вёдер.

Идём на взлёт. Бухта полна льдом. Идём узким фарватером чистой воды. Чуть ошибёшься – дно лодки будет пробито, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Оторвались.

Но что разделяют моторы! Они, как чахоточный больной, заливаются в сплошном кашле. Мы идём над сплошными ледяными полями. Если так будет продолжаться и дальше...

Поворачиваем обратно.

Отступаем, не доходя 50 миль до Северной Земли. Кое-как дотянули до ихер Минина, и, как только вновь повстречали тепло, моторы перестали чудить...

Через пару часов были на месте катастрофы.

Неподалёку от устья Пясины, завалившись на левый борт, как подраненное исполинское животное, лежал “Зверобой”. Два года назад эта ихуна носила имя “Браганца”. Участвовала в плавании по оказанию помощи экипажу дирижабля “Италия”. Она не очень-то отставала от “Красина”, ледокол настиг и обогнал ихуну только у Семи островов, т. е. когда до группы Вальери оставалось всего каких-нибудь 40-50 километров. Пробиваясь через льды, мы прошли почти рядом тогда. На мачте ихуны красовались флаги: “Желаем счастливого плавания”.

Впоследствии “Браганца” была куплена нами и переименована в “Зверобой”.

– Как это случилось?

Это случилось очень просто. Капитан Петранди вёл шхуну с Пясины. Шхуна уже вторую неделю плавала в совершенно необследованных водах и налетела на “кошку” (подводная каменная гряда). Её стало бить о камни. Радист едва успел передать пару фраз о катастрофе, как появилась пробоина и радиорубка была залита водой. Люди целы. Вот придут теплоходы – может быть, удастся подвести пластырь под пробоину, откачать трюмы и стащить “Зверобой” с мели. Нашу машину посылают навстречу теплоходам. Мы должны как можно быстрее доставить водолазов...»

Все благополучно спаслись, в том числе астроном Алексей Шкроев, запечатлевший получивший пробоину «Зверобой» с берега и с борта парохода «Диксон», но «заплату» поставить не удалось, и шхуна была разбита первым же волнением моря на камнях.

Экипаж и груз были эвакуированы на пароходе «Диксон». Путь домой пролегал через новый порт страны Игарку: радиостанция, столовая, клуб – написано на сделанном там фото.

Несмотря на то, что командировка закончилась кораблекрушением, с точки зрения получения материалов для создания навигационных таблиц она оказалась вполне успешной. Необходимые астрономические данные были собраны, сохранены, доставлены в Новосибирск. Далее началась соответствующая обработка результатов одновременно в Астрономическом институте, Новосибирске и Томске.

До весны следующего года он продолжал работать в «Комсевморпути», часто ездил в командировки в Новосибирск, занимался вычислительной работой, результаты которой отсылались в Астрономический институт СССР.

В феврале 1931 года Алексей Шкроев и Галина Майковская поженились.

После «чистки» из университета Галина действительно окончила курсы чертёжников, как писала в письме, и до 1933 года работала чертёжницей в техотделе Сибирского лесного управления.

В ноябре 1931 у них с Алексеем родилась дочь Лия. Сохранилась записка, которую молодой папа послал жене в роддом, и несколько писем:

6/XI Милая моя жёнушка, моя крошка, моя радость!!!!

Сегодня собирался написать тебе большое письмо, но не знаю, что из этого получится – у меня в голове всё перепуталось, никак не могу восстановить в хронологическом порядке события двух прошедших дней, за которые я, такой свинья, не дал тебе ответа. И вот сегодня опять дотянул до позднего вечера. Всё как-то мне не хватает времени – прямо беда. Ах, скорее бы утро, я опять, быть может, мельком тебя увижу и буду целый день чувствовать себя счастливейшим человеком на свете.

Не знаю, с какого места начать писать. Ну, хотя бы с того, как мы (т.е. я и Мариамна Семёновна) ушли от тебя 6-го. Пошли мы из ворот направо – в магазины. Сначала зашли в ЦРК-2, купили яблок для компота. Затем вернулись в КОКТ посмотреть что-либо. Купили широкой ленты для банта к кроватке нашей дочурки. Бант, доложу тебе, будет шикарный. Цвет? Цвет – бледно-сиреневый, с кроваткой будет гармонировать очень ловко. Пока М. С. платила в кассе, я пошёл по магазину и увидел, что есть шикарный шёлк (нитки), мы купили твои любимые цвета. Образцами ты можешь полюбоваться хоть сейчас – стоит тебе взять маленький флакончик с духами, там кусочек приспособлен к пробочке.

Затем мы заходили в АКОРТ. Там ничего нового нет: всё то же.

Приведём фотографию магазина АКОРТ того времени, расположенного в здании неподалёку от современного Белого дома в Томске.

Задерживаться не стали и двинулись в аптеку. Там купили марлю и 10 пакетов ваты, детскую присыпку.

Шли домой по Советской – я хотел в Акорте купить «Сафо», но ничего не вышло. Папирос не оказалось. Спасибо, что продавщица посоветовала зайти в Ларёк ТГУ. Сбегал и купил 6 пачек по 75 (всё-таки уценили!) и пошёл домой обедать.

6-го вечером были в Актовом (билет достал у Шафера), вместе с Олегом. Долгое время не могли попасть в здание, т.к. пришли поздно, к этому времени не хватило вешалок, из-за чего произошла задержка. Когда попали на место, официальная часть ещё не окон-

Милая Залочка!
Разрешни поздравить
тебя с дочкой –
написи прощайкой,
кашей радостью
в настоящем и в
будущем,
кашей помощницей
впоследствии,
кашей утешением
в горькую минуту,
кашей поддержкой
в старости.
А пока что с сего
4 ноября 1931 года
уделим ей максимум
заботы и внимания.
Твой муж
Алексей Зиссер

чилась. Смотрели живую газету, собранную из всех ВУЗов, ничего, смотреть можно. До конца не досидел, что-то устал, да и вечер затянули: был 2-й час. Когда вернулся домой, то ещё у нас не спали. Стали пить чай. Мне пришлось поправлять керосинку: фитиль упал внутрь, извлечь его не оказалось никакой возможности, пришлось ставить новый. Хорошо, что был в запасе. Сварили тебе компот и успокоились до утра.

7/XI Накануне провозились долго, поэтому проспали утром. Я скоренько попытался и побежал к тебе. Ну, как я был у тебя, ты знаешь. От тебя попал на демонстрацию.

Знаешь, Галка, кровать будет очень приличная даже будучи выкрашенной на два раза (3-й не успеть, да и краски не хватит). Сейчас вечером она блестит, как ёлочная игрушка – любо посмотреть.

Днём играли с Олегом в пинг и угробили шарик, он упал в физ. зал, который на замке и нет ключа. Ужасно досадно терять мяч, да ещё не ломанный, но сколько не огорчайся – ничего не поделаешь.

Из Т.Г.У. я пошёл прямо к тебе, но у меня не было с собой бумаги.

Когда мы с тобой разговаривали, ты держалась за стенку, было видно, что тебе трудно стоять, поэтому я попросил тебя прилечь, а ты на меня сердилась и совершенно напрасно лила слёзы. Ответа я не дождался, мне сказали, что ты писать не можешь, так как у тебя стоит градусник.

Дома была в гостях моя мама. С ней и обедали.

Потом приходил Олег. Звал в Акт. Зал на вечер, но я не уговорился, так как мне хотелось поговорить с тобой, т. е. написать это письмо. Олег рассердился и пошёл один. Вечером передавали по радио программу из Актового Зала. Опять то же самое, так что хорошо, что не пошёл.

Сейчас набили перинку. Она получилась немного более кровати (приблизительно), померить нельзя, краска ещё мажется.

Смешно – как муха сядет на кровать, так и прилипнет, словно на липкую бумагу. Я в таких случаях ужасно ругаюсь, т. к. они мне портят весь глянец и, кроме того, оставляют свои лапки.

Вот и все мои дела. Теперь за мной нет задолженности перед тобой, и я могу ложиться спать со спокойной душой. Ещё несколько незатронутых вопросов:

1. Шуба толковая есть на примете. Ну та – воротник шалью. Так вот, завтра, 8-го, от тебя зайду за мамой, и вместе с ней пойдём смотреть. Предположительная цена 700 с годовой рассрочкой, так намекала хозяйка. Наверное, соглашусь, не знаю, как на это помотришь ты. Условие приемлемо для такой шикарной шубы. Кроме того, хочу попросить взять примерить. Если даст, после трёх принесу.

2. Теплицу строят, но результатов не видать – пока заготавливают лес.

Целую вас обеих, моих крошечек. Скажу по секрету – в дочь я влюблён безумно, ещё раз спасибо тебе за неё.

Алексей.

Ночь с 7 на 8 ноября 1931г.

ГЛАВА 4

В 31-32 годах А. И. Шкроев работал преподавателем математики в Горном (Угольном) институте Томска, затем попытался перейти на должность ассистента в Индустриальный институт по рекомендации своего научного руководителя профессора Н. Н. Горячева. Несмотря на участие в его судьбе видного учёного союзной величины, дело представлялось не столь простым, как видится на первый взгляд.

На тетрадном листке он составлял черновик автобиографии для отдела кадров Томского индустриального института. Вакансия имеется, надо только заполнить документы личного дела, оформиться, и можно приступать к преподаванию, заниматься научной деятельностью, писать диссертацию.

Но сколько подчёркиваний, пометок, вставок, зачёркиваний, говорящих о долгих раздумьях над маленьким листочком!

Идёт 1933 год, ему 29 лет, он уже не молодой человек по понятиям того времени, семьянин, отец, кормилец. Необходимо упрочиться в материальном плане, на прежнем месте работы числился преподавателем-почасовиком, а часов-то как раз и не было. В этом году жена Галина смогла поступить в Томский стоматологический институт, они с дочерью живут у её родителей. Хорошо знакомая и современным молодым людям картина, которая отягощена дополнительными подводными камнями, на кои в любой момент может напороться, как шхуна «Зверобой», и затонуть надолго, если не навсегда. Да, ему как воздух необходима стабильная, нормально оплачиваемая работа преподавателя. Она есть, его приглашают, но...

Не всё так просто.

Он пишет первую строку черновика: *«Шкроев А. И. родился 14 октября 1904 года в городе Каинске»*. Подумав, делает сверху вставку: *«сын приказчика»*.

«Мне нечего скрывать, я пишу правду, как бы неприятна она ни была», – подразумевается при этом. Далее: «В 1913 году поступил в Каинскую МГ (то есть мужскую гимназию), впоследствии реорганизованную в школу 2-й ступени, которую окончил в 1922 году. Поступил в ТГУ на физико-матем. факультет – математическое отделение. В 1924-25 годы имел перерыв в учёбе, во время которого был учителем в деревне Хорошавка Славгородского округа».

Причина не называется. На ум тотчас приходит обычное для физмата отчисление за неуспеваемость, и Алексей не спешит заблуждение развеять, хотя на самом деле учился очень хорошо. Дело, конечно же, совсем в другом. Если у тебя неважное происхождение, необходимо социально «перековаться», поработать на трудном участке, претерпеть лишения во имя победы социализма, если уж не пролить кровь.

Выходцам из враждебных пролетариату классов ныне запрещено поступать в высшие учебные заведения. А они все враждебные, простой крестьянин и то мелкобуржуазен в своей основе – так учит Ленин.

Конечно, сельский – учитель гораздо лучший претендент на получение высшего образования, нежели сын приказчика.

В 1925 году снова поступаю в ТГУ, который и оканчиваю в 1930 году.

Сразу после окончания ТГУ, т. е. в мае 1930 года поступаю на службу в «Комсевморпуть» и направляюсь на работу в Карское море. В мае 1931 года увольняюсь из «Комсевморпути» за упразднением должности астронома.

Осенью 1931 года поступаю в Сибирский Горный Институт преподавателем математики. На этой должности нахожусь в настоящее время.

Кроме того, по поручению Астрономического института занят подбором и вычислением пар Певцова для определения широты места.

С биографией покончено, он переходит к заполнению АНКЕТЫ. Здесь дело серьезней и опаснее, ибо надо отвечать на конкретно поставленные вопросы.

Точно указать сословие или происхождение мещанин
до революции/ из крестьян, мещан, дворян, купцов, дух. сын приказчика
звания, воен. сословия/

РОДИТЕЛИ

А/ Фамилия, имя, отчество/ указать девичью фамилию матери/

Шкроев	Шкроева - Антонова
Иван	Валентина
Иванович	Евграфовна

Б/ Сословие и происхождение мещанин крестьянка

На фотографии 1900 года совсем юная девочка Валентина Антонова. Не слишком походит на крестьянку, хотя сирота без отца и матери, живёт у тёти.

Вполне возможно, что некоторое время И. И. Шкроев работал приказчиком, однако то, что впоследствии он имел собственное дело и собственный магазин в Каинске, подтверждает открытка 1914 года из Москвы от оптового поставщика с предложением приобрести товар:

В 1903 году Иван Иванович Шкроев двадцати шести лет от роду женился на Антоновой Валентине Евграфовне, которой в ту пору было шестнадцать лет.

В следующем, 1904 году, в возрасте семнадцати лет Валентина Евграфовна облагодетельствовала мужа рождением сына Алексея.

Младший брат Ивана Ивановича, Сергей Иванович Шкроев, также имел отношение к торговле, по всей видимости, был приказчиком, работал в каком-то крупном торговом предприятии. Жену его звали Мария Капитоновна.

По фамилии, отчеству, времени рождения братьев Ивана и Сергея Шкроевых можно принять за детей каинского купца 1-й гильдии Ивана Васильевича Шкроева.

Однако на одном из интернет-сайтов была найдена информация, что у Ивана Васильевича Шкроева и его супруги общих детей не было, имела приёмная дочь. То же самое подтвердили из Куйбышевского музея. В Государственном архиве Томской области не оказалось метрических книг ни за 1877, ни за 1882 годы. На запрос в Госархив Новосибирской области пришёл ответ, что записей о рождении Ивана Ивановича Шкроева в 1877 году в г. Каинске нет, так как отсутствует информация за этот год вообще.

Куйбышевский краевед Сергей Михайлович (в Интернете просто Михалыч) помог найти интернет-версию газеты «Томские губернские вести» со списками каинских приносящих заседателей конца 19 – начала 20 века, в коих Сергей Иванович и Иван Иванович значатся не в купеческом, а в мещанском звании. Не купцы они и не «купеческие сыновья», простые мещане. Однако весьма возможно, что родственники И. В. Шкроева, к

тому же, вели торговлю, да ещё были присяжными заседателями, а царские судейские с точки зрения новой власти подлежали первоочередной ликвидации наравне с жандармами и полицейскими. Так что и вне родства с основателем «шкроевской церкви» и «шкроевского банка» бывшие присяжные заседатели Шкроевы не могли чувствовать себя спокойно, даже поменяв место жительства.

Сохранилась фотография отца Марии Капитоновны – Капитона Абрамова. На ней видим солидного торгового человека с окладистой бородой. Строгая мужская красота, волосы расчёсаны на прямой пробор, часы на цепочке в кармане. Вполне обычный мещанин 6-тысячного сибирского города Каинска.

Его внук Владимир Сергеевич Шкроев, двоюродный брат Алексея Ивановича, родился в 1916 году, воевал в Великую Отечественную, всю жизнь проработал на Томском электромеханическом заводе рабочим.

Братья Иван и Сергей Шкроевы очень роднились. В Томске семья Сергея Ивановича жила буквально «на задах» Шкроевского сада, во дворе Кирова, 18, получив здесь комнату в небольшом деревянном домике от завода. Сергей Иванович трудился на Томском электромеханическом заводе практически по прежней специальности – снабженцем, а вот Иван Иванович с торговлей расстался навсегда, избрав себе профессию стекольщика. Стекллил многочисленные теплицы Ботанического сада, работал в АХО Политехнического института. Братья прожили по 74 года. Похоронены И. И. и С. И. Шкроевы рядом, в одной оградке, на Южном кладбище.

В 1913 Алексей Шкроев девяти лет от роду надел форму гимназиста. На фотографии он выглядит даже младше, и форма ему великовата.

В то время Каинская мужская гимназия располагалась в бывшем доме купца Ерофеева Андрея Петровича – одного из братьев, владельцев торгового дома «Братья Ерофеевы». До 1911 года дом находился в аренде Общественного собрания, с 1911 года – мужская гимназия. В настоящее время в нём располагается вечерняя школа.

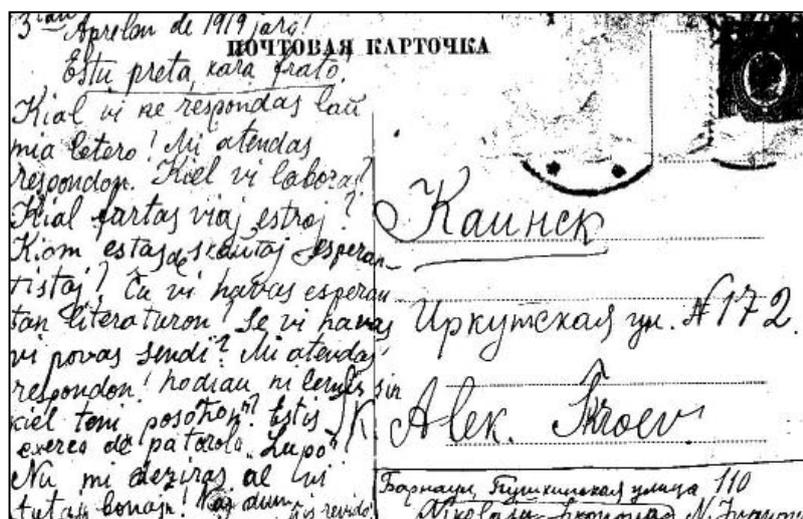

Сохранилась визитная карточка Алексея Шкроева гимназических лет с рельефным изображением амбарных дверей, чем подчёркивается принадлежность к торговой семье.

Кроме обязательных для классической гимназии латыни, древнегреческого, здесь обучали английскому языку (на английском написан курс лекций Шкroeва-преподавателя), кроме того, в гимназической юности Алексей заинтересовался международным языком эсперанто, вёл на нём переписку.

Имеется несколько открыток на эсперанто, присланных на его адрес из сибирских городов (Тюмень, Барнаул).

В 1919 году Алексею исполнилось 15 лет.

Профессиональные фотоателье по временам гражданской войны приказали долго жить, но нет худа без добра: молодому человеку пришлось обучиться основам этого дела, что не раз сослужило хорошую службу впоследствии.

По крайней мере с осени 1922 года Алексей Шкroeв живёт в Томске, учится в университете. Кроме занятий математикой, он живо интересуется историей Сибири, принимая участие в судьбе вновь открытого для посетителей в 1924 году этнолого-археологического музея университета, о чём сообщается в книге В. Д. Славнина «Томск сокровенный»:

«И всё же музей, столь малыми силами, продолжал вести интенсивную экскурсионную, просветительскую, научную и краеведческую работу. За первые полгода с момента его открытия в нём побывало двадцать тысяч человек... Стало легче, когда сложился студенческий актив. В него вошли, как значится в «Хронике музея», восемь человек: Алексей Иванович Шкroeв (физмат, геолого-географический факультет), Матвей Иванович Козлов (физмат, геолого-географическое отделение)... (неточность со специальностью, по которой учился Шкroeв). Пройдя «музейный ликбез» у П. П. Славнина, все эти юноши и девушки, горевшие неподдельным энтузиазмом, быстро сделали прекрасными экскурсоводами, лекторами...».

В книге приводится фотография 1925 года энтузиастов и работников этнолого-археологического музея, среди которых присутствует студент Шкroeв, только не второй он слева в последнем ряду, как сказано в пояснительной записи, а крайний справа в том же последнем ряду.

В 1925 году Алексей поступил в университет уже во второй раз, после работы на Алтае учителем.

Кроме математики и краеведения Алексей Шкroeв увлекался спортом, выступал за сборную университета по большому теннису. На фотографии тех времён сборная на теннисной площадке стадиона.

В качестве научной специализации была выбрана астрономо-геодезия.

Алексей Шкроев входил в состав первого выпуска Артиллерийской группы, курсанты которой получили военное образование при ТГУ.

На выпускной фотографии, сделанной возле главного корпуса университета, он сидит у лафета орудия единственный без фуражки, среди людей много старше его по возрасту, скорее всего, прибежав с занятий.

Закончив писать заявление, будущий ассистент Индустриального института поднялся из-за стола, взял на руки кроху дочь и вышел с ней прямо и непосредственно в сад... тот самый, ныне «Сад Шкроева», а тогда ещё «Фруктово-ягодный сад С. К. Майковского». Станислав Клементьевич Майковский – отец Галины Майковской, жены Алексея Шкроева.

Действительно, никак не мог Алексей Иванович Шкроев успеть насадить и вырастить к началу 30-х годов сад в Томске, если учился в университете, работал учителем в Хорошаевке на Алтае, увлекался фотографией, историей, краеведением, рисованием, теннисом, артиллерией, работал в

«Комсевморпути» с постоянными командировками в Новосибирск, ездил по стране, плавал, летал, тонул... Не было тогда у него для этого ни времени, ни умения, ни соответствующих навыков.

Почему и когда сад изменил название?

Тому имелась своя веская причина, о коей мы не умолчим, однако сначала поведём рассказ о жизни основателей сада на улице Белинского, для чего придётся из двадцатого века вернуться в девятнадцатый, и не в Томск, а в далёкий от Сибири город Минск.

ГЛАВА 5

На следующем (1904г.) снимке видим основателей сада Шкроева в Томске: Мариамну Сапицкую и Станислава Майковского в то время, когда они ещё и думать не думали ехать в Сибирь заниматься садоводством.

После окончания Минской женской гимназии (1899) Мариамна жила в доме своего отца в Минске на Старо-Слободской улице. Станислав недавно вышел в запас прапорщиком с военной службы, которую проходил в Житомирском полку вольноопределяющимся, служит на Либаво-Роменской железной дороге статистиком.

Исходя из одних только документов невозможно сказать что-либо конкретное о намерении молодых людей отправиться когда-нибудь в будущем в Сибирь. На повестке дня, по-видимому, стояли другие, более насущные планы, связанные с предстоящей женитьбой.

Однако скоро случилось так, что Майковскому пришлось познакомиться с Сибирью, а именно – Нарымским краем и селом Колпашево, не по собственной воле, а в результате революции и участия его в стачечных событиях на железной дороге.

Несколько позже, в советские уже времена, когда в Колпашево попадёт поэт Клюев, местность эта увидится ему глиняным горбом, по которому бегают люди в поисках пропитания, однако впечатления Майковского не были столь трагичными. За ним, с одной стороны, стояла молодость, а с другой, что ни говори, и сама жизнь, и условия ссыльных в царской России были несравненно лучшими по сравнению с советскими временами.

И всё же – как могло случиться так, что молодой человек, попавший в сибирскую ссылку по решению суда, затем, вернувшись и получив образование в Москве, решил возвратиться в Сибирь уже навсегда? Для ответа на сей вопрос проследим биографии Станислава и Мариамны.

Сапицкая Мариамна Семёновна родилась в Минске в семье коллежского советника Семёна Гавриловича Сапицкого и Вильгельмины Георгиевны (в девичестве Земель). О родителях Семёна Гавриловича нет никаких данных, а Вильгельмина происходила из семьи рижских немцев Георга и Минны Земель.

Мать девочек умерла рано, в 1892 году, когда дочерям Мариамне и Лидии было десять и девять лет.

О детстве сестёр можно составить представление из послужного списка их отца Семёна Гавриловича Сапицкого.

Согласно формуляру о службе Помощника Контролёра Либаво-Роменской железной дороги Семёна Гавриловича Сапицкого, составленному 10 мая 1905 года, сам он родом из ме-

щан города Якобштадта Курляндской губернии, православный. Родился 14 июля 1849 года, имеет орден св. Станислава 3 степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III. Содержания получает в год: жалованья 400 рублей, столовых 400 рублей, квартирных 200 рублей. Итого 1000 рублей.

Женат вторым браком на дочери чиновника девице Елизавете Алексеевне; имеет от первого брака: Мариамну, родившуюся 17 февраля 1882 г, и Лидию, родившуюся 25 марта 1883 г. Жена и дети вероисповедания православного.

Обучался в Якобштадском начальном училище.

Постановлением Витебской Дирекции народных училищ, согласно прошению, назначен учителем Ясмуйчского народного училища Динабургского уезда с 10 сентября 1870 года.

Перемещён на такую же должность в Крейцбургское народное училище того же уезда 25 октября 1872 года.

Перемещён на такую же должность в Велижское народное училище Рижского уезда 15 октября 1873 года.

В Совете Рижского уездного училища выдержал испытание на звание учителя сельского приходного начального народного училища и удостоен искомого звания 8 июня 1874 года.

Советом Витебской дирекции народных училищ назначен учителем Велижского приходного училища 7 марта 1875 года.

Предложением Попечителя Виленского учебного округа от 14 августа 1878 г. за № 478 назначен исправляющим должность учителя приготовительного класса Минской гимназии с 14 августа 1878 г.

Предложением Управляющего Виленского учебного округа от 20 марта 1879 г. за № 1775 утверждён в должности учителя приготовительного класса с 20 марта 1879 г.

Напомним, что в 1879 году С. Г. Сапицкому исполнилось 30 лет, из них девять он преподаёт, и только сейчас утверждается учителем гимназии.

С разрешения Попечителя Виленского учебного округа от 9 января 1882 года за № 107 получил в награду за усердную службу из суммы сбора за учение по гимназии 100 руб. 9 января 1882 г.

Указом Правительствующего Сената от 20 февраля 1885 г. за № 8 произведён за выслугу лет в Губернские Секретари со старшинством с 14 августа 1878 г.

Губернский секретарь – одиннадцатый разряд в Табеле о рангах из четырнадцати.

Указом Правительствующего Сената от 15 января 1886 г. за № 133 произведён за выслугу лет в Коллежские Секретари со старшинством с 14 августа 1881 г.

Указом Правительствующего Сената от 23 сентября 1886 г. за № 115 произведён за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством с 14 августа 1884 г.

Указом Правительствующего Сената от 20 мая 1888 г. за № 59 произведён за выслугу лет в Коллежские Асессоры со старшинством с 14 августа 1887 г.

В Педагогическом Совете Минской Гимназии выдержал испытание на звание домашнего учителя, в чём и получил из Управления Виленского учебного округа свидетельство на искомое звание от 25 июня 1888 г. за № 4759.

Согласно прошения переведен на должность Бухгалтера Минской Казённой Палаты с 14 октября 1891 года.

В возрасте сорока двух лет С. Г. Сапицкий уходит с преподавательской деятельности на казённую службу.

Указом Правительствующего Сената от 5 февраля 1892 г. за № 108 произведён в Надворные Советники со старшинством с 14 октября 1891 г.

Исправлял должность начальника III отделения Палаты с 13 по 14 и с 18 по 20 сентября 1894 г.

Постановлением Управляющего Минской Казённой Палатой от 28 октября 1894 г. командирован к временному исправлению должности Мозырского уездного Казначая.

По случаю смерти Мозырского Казначая постановлением Минской Казённой Палаты допущен к исправлению должности Мозырского уездного Казначая с 1 декабря 1894 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 1 мая 1895 г. № 29 произведён за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством с 14 октября 1895 г.

Коллежский советник – чин 6 класса, соответствует подполковнику в военной службе.

Пожалован установленною Высочайшим Указом 26 февраля 1896 г. серебряною медалью в память царствования Императора Александра III 26 февраля 1896 г.

За отлично-усердную службу и особые труды Всемилостливейше в 13 день апреля 1897 г. награждён орденом Св. Станислава 3 степени.

Постановлением Минской Казённой палаты, состоявшимся 18 октября 1902 г., согласно прошению уволен со службы с 18 октября 1902 г.

Приказом Главного Контролёра Контроля Либаво-Роменской жел. дороги от 16 января 1903 за № 11 назначен Помощником Контролёра с 16 января 1903 г.

За время службы с 1870 по 1905 годы был в отпусках:

с 20 марта 1899 г. на два месяца, и с 8 марта 1901 г. на семь дней; в 1903 г. с 21 сентября на 28 дней, явился ранее срока на 3 дня.

Случаям, лишаящим его права на получение следующего классного чина и знака отличия беспорочной службы, не подвергался.

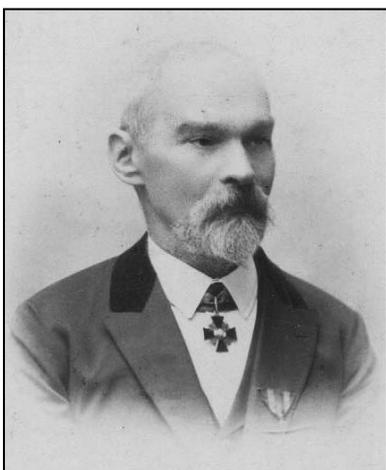
С. Г. Сапицкий будет работать на Либаво-Роменской железной дороге до 1916 года, то есть до 67 лет, пока проблемы со зрением не заставят его окончательно покинуть службу.

Определённо можно сказать, что до октября 1894 года Мариамна и Лидия учились в Минской женской гимназии. С переездом Семёна Гавриловича на службу в Мозырь ситуация изменилась. Поехали дочери с отцом в Мо-

зырь? Или остались учиться в Минской гимназии? Имеется достаточное число фотографий, сделанных в разные годы в Мозыре.

Однако в Минске остался дом на Старослободской улице, кроме того, старшей, Мариамне, в 1894 году исполнилось 13 лет, возраст при наличии домоправительницы вполне самостоятельный по тем временам. К тому же в Минске проживают родные дядя и тётя девочек.

Брат матери Эрнест Георгиевич Земель, действительный статский советник, являлся инспектором Минской женской гимназии, той самой, где племянницы учились.

В метрической записи рождения Лидии Сапицкой дядя значится крёстным отцом, а в метрической записи рождения Мариамны Сапицкой крёстным отцом является директор Минской женской гимназии, а крёстной матерью – жена дяди, Дарья Августовна. На основании вышеперечисленного можно полагать, что сёстры, скорее всего, остались учиться в Минске, навещая отца на каникулах.

В 1899 году Мариамна окончила Минскую женскую гимназию, получив соответствующий аттестат и звание домашней учительницы.

Подобное звание её отец приобрёл, как видно из документов, лишь в конце своей педагогической карьеры в 1888 году, в возрасте 39 лет, пребывая в чине коллежского асессора.

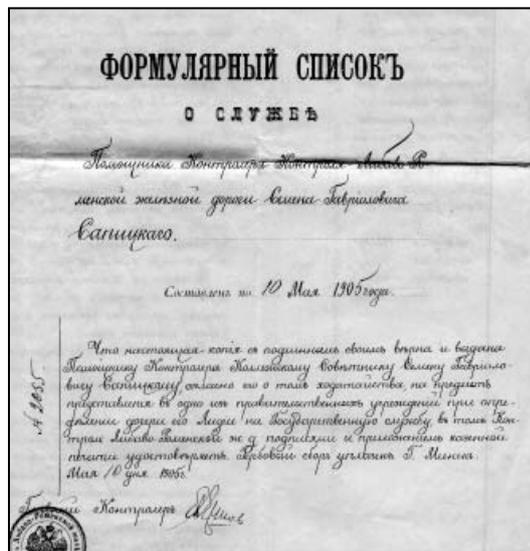
Не случайно С. Г. Сапицкий взял свой первый в жизни отпуск в мае 1889 года и сразу на целых два месяца – он приехал к выпускным экзаменам старшей дочери.

В 1902 году, по окончании гимназии младшей дочерью, Сапицкий оставляет престижный пост мозырского казначея, чтобы вернуться в Минск к семье, так как наступает очень важный период – взрослых девиц надо определять к делу и выдавать замуж.

Обе, получив образование, имели право учительствовать в приходских, сельских школах, реальных училищах и даже гимназиях, согласно имеющемуся у них званию домашнего учителя. Мариамна получила в городе Ливно специальное Свидетельство учительницы.

Копию послужного списка в 1905 году Семён Сапицкий брал для Лидии, которой она потребовалась при устройстве на государственную службу, как сказано на титульном листе.

В 1905 году она уже пребывала в Москве с мужем, Александром Островским – студентом юридического факультета Московского университета.

14 февраля 1905 года у них родился сын Сергей. Исходя из вышеозначенного документа, обеспечивать семью средствами решила Лидия, поступив на службу в какое-то казённое учреждение Москвы. Никакой информации по поводу того, где конкретно она работала, не сохранилось. К 1910 году А. А. Островский окончил университет и состоял при суде города Николаева Херсонской губернии в чине губернского секретаря в качестве младшего кандидата на судебские должности.

Меж собой сёстры Сапицкие с детства очень дружны. Сердечные, родственные отношения друг к другу сохраняли на протяжении всей жизни, то и дело их судьбы пересекались географически: в Минске, Москве, Сибири. Даже то, что Мариамна с дочерью переехали в Томск и что именно здесь С. К. Майковский заложил свой сад, а не, скажем, в Красноярске, во многом случилось благодаря жившей в Томске в то время Лидии. Сёстры старались находиться ближе друг к другу, а под конец жизни снова, как в детстве, оказались вместе, в одном доме.

Старшая, Мариамна, имела более сильный, целеустремлённый характер, младшая, Лидия, смешливая, с чертами некоторой романтической авантюристки.

То, что они рано остались без матери, сближало их ещё больше.

Уровень преподавания в Минской женской гимназии был достаточно высоким, – как и уровень администрирования. Простой и наглядный пример: врач гимназии В. Форт имел чин коллежского советника, в каковом Сапицкий С. Г. был назначен казначеем города Мозыря. И какое отношение к делу: по результатам вакцинации оспы ученицам выдавалось свидетельство от врача, скреплённое его личной печатью.

Свидѣтельство.

Въ томъ сію Догори училась приготовительнаго класса
 Фрейлей Гелиагиди Коллѣжскаго Ассессора Сашата
 Гавриловича Салицкого - Нарямакъ въ томъ, что
 она имѣетъ на общій рубли хороній дѣлѣ отъ
 мушкетѣмъ предвѣдѣннѣею оубѣ, въ томъ до
 табирякъ Собственно-рускою надѣлѣю въ чинѣ
 кѣлѣ, въ жѣтѣмъ тѣмъ. Сентября 26-го днѣ 1891 году
 Губернаторъ Николь.

Врачъ Фрейлей Гелиагиди Коллѣжскаго Советника
 В. Фортъ.

АТТЕСТАТЪ.

Воспитанница Минской женской гимназій, дочь Коллѣжскаго
 Советника двѣца Салицкаго Лидія
 во времѣ пребыванія въ семъ заведеніи, при отличной
 предвѣннѣею, оказала успѣхи: въ Законѣ Божіемъ отлич-
 нѣе, Русскою языкѣмъ и словесности хороніе, Фран-
 цузскою языкѣмъ — — —, Нѣмецкою языкѣмъ хоро-
 мѣ, въ Исторіи хороніе, въ Географіи хо-
 роніе, въ Физикѣ и Естественной Исторіи отличнѣе,
 въ Математикѣ хороніе и Педагогикѣ отличнѣе.
 Сверхъ того она обучалась живописанію, рисованію, танцамъ
 и рукодѣлію, въ удостовѣреніе чего данъ сей аттестатъ, за надлежа-
 щимъ подписаніемъ и приложеніемъ печати заведенія.

А потому, на основаніи § 46 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного
 9 Января 1862 г. Устава училищъ для приходившихъ двѣницъ Вла-
 дѣтства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ имѣетъ право, не
 подвергалась особому испытанію, получить свидѣтельство на знаніе
 домашней учительницы тѣхъ предметовъ, въ конхъ оказала хороніе
 успѣхи. Г. Минскъ Января 4-го днѣ 1902.

Попечитель гимназій, Минскій Губернаторъ,
 Генералъ-лейтенантъ Губернаторъ

Аттестаты выпускницам об окончании гимназии подписывал собственноручно по-
 печитель гимназии губернатор, генерал-лейтенантъ Трубецкой.

ГЛАВА 6

Перед нами АВТОБИОГРАФИЯ мужа Мариамны Семёновны, напечатанная в 1937 году на машинке плотно, без межстрочковых интервалов.

Станислав Клементьевич МАЙКОВСКИЙ родился в 1881 году в крестьянской семье Минской губ. Новогрудского уезда, до девяти лет работал по крестьянству и в свободное время учился.

Дальнейший текст не содержит никаких упоминаний о родственниках, ибо писалась автобиография по требованию неких государственных структур и отнюдь не для занятия высокого поста. Один экземпляр он оставил себе. Среди домашних бумаг сохранился рукописный черновик автобиографии, в котором изначально присутствует краткое упоминание о жене и дочери, но в окончательном печатном варианте оно исчезает. Нигде ни слова об отце или матери. Кстати сказать, и в домашнем архиве нет фотографий, писем или иных документов родителей.

Известно, что мать Станислава умерла в 1902 году, отец в 1916. Был брат Вацлав, а одна из сестёр в замужестве стала Борткевич – прабабка солиста известного белорусского ансамбля «Песняры» Леонида Борткевича.

В сохранившемся листе успеваемости Станислава Майковского за 2-й класс стоит роспись матери: С. Майковская.

В 1890 году поступил в Минское реальное училище и, перейдя в пятый класс, вышел, так как не было средств.

Судя по аттестату о начальном образовании, сначала мальчик поступал в Минскую гимназию, но был переведён в реальное училище, где учился без оплаты. Несмотря на тягу к знаниям, успехи реалиста в науках оказались невелики, и, окончив четвёртый класс, по требованию отца он покинул училище, вернувшись к крестьянскому труду, продолжая заниматься самообразованием. В последующем благодаря этим самостоятельным занятиям Майковскому удалось получить аттестат зрелости, сдав экзамены экстерном.

В 1899 г. я выдержал экзамен на аттестат зрелости при Виленском округе в гор. Вильно. В 1900 году поступил на военную службу вольноопределяющимся в гор. Турасполь в 56-й Житомирский полк.

Интересно, что, в отличие от автобиографии, в военном билете, называемом по той поре «ЗАПАСНО-ОТПУСКНОЙ БИЛЕТ», выданном в 1906 году военным ведомством, указано, что на аттестат зрелости Майковский выдержал экзамен при 1-й Киевской гимназии.

Чем вызвана необходимость «путать» следствие в 1937 году, сейчас не вполне понятно, однако какие-то насущные потребности в этом при написании автобиографии, несомненно, у Майковского были. При тех знаниях, которые он показывал, учась в реальном училище, вызывает удивление, как мог молодой человек сдать экстерном экзамены на уровне гимназии. Само собой напрашивается предположение, что подготовиться ему, возможно, помогла Мариамна Сапицкая, окончившая гимназию в том же 1899 году.

Экзамены Станислав Майковский сдавал с конкретной целью поступления вольноопределяющимся в полк, откуда затем мог поступить в юнкерское училище и через пару лет выйти уже подпоручиком.

В 1901 году окончил службу, вышел в запас прапорщиком запаса. Возвратился в Минск, поступил на службу на железную дорогу, где и служил до 1905 года.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дата поступления на военную службу указана верно, но вот с датой выхода в автобиографии, написанной для органов безопасности, автор явно торопится. Это естественно: ему хочется показать, что хотя он и был офицером, но отношение к службе у него прохладное – мимоходом поступил, сразу же вышел, да и какой прапорщик офицер? Это звание – не цель, а скорее средство, ибо офицер имеет право выйти в запас, в то время как вольноопределяющийся-солдат обязан служить и служить. Срок службы для Майковского, если бы он остался нижним чином, оканчивался только в 1915 году.

На самом же деле отношение молодого Стася к военной службе совсем иное: в суровых жизненных реалиях он мечтал стать офицером, намеревался честно служить и сделать военную карьеру, чтобы как можно скорее занять положение в обществе и сочетаться браком с Мариамной. Записи военного билета, который семья хранила все годы советской власти, не уничтожив и после 37 года, когда С. К. Майковского арестовали, говорят об этом со всей определённой ясностью.

1901 января 9 В службу вступил согласно поданного на Высочайшее имя прошения и приказом 14 по дивизии за №2 зачислен в 56 пехотный Житомирский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича полк на правах вольноопределяющихся 2 разряда на казённое содержание.

1901 сентября 15 Зачислен по спискам 56 Житомирского полка ефрейтором.

Не выходил в 1901 году Майковский из армии прапорщиком запаса, так как, во-первых, не был ещё прапорщиком, а во-вторых, наоборот, был полон желания служить далее. Но когда (в 1937 году) автобиография писалась, правдиво говорить о таких вещах стало непозволительной роскошью.

А пока зачислен по спискам ефрейтором. Низший чин, самый низший.

На фотографии подтянут и почти блестящ, надежды на офицерское будущее не оставляют юношу.

Далее военная книжка констатирует:

«1902 апреля 9 Окончил курс полковой учебной команды.

1902 августа 13 Командирован в Одесское

пехотное юнкерское училище для держания вступительных экзаменов в названное училище.

1902 сентября 15 *По невыдержанию вступительного экзамена прибыл в полк*

1902 ноября 15 *Младшим унтер-офицером».*

Неожиданный удар положил конец скорым надеждам: на дворе конец 1902 года, скоро ему исполнится двадцать два, а он всего-навсего унтер на казарменном положении. Нижние чины усердной службой даются, а верхние – нет как нет. Встал вопрос: что делать? Конечно, служить дальше. У него нет ни средств, ни положения, а значит, они с Мариамной не могут создать семью.

Майковский служит, и вот наступил решающий 1903 год.

1903 августа 12 *Командирован в Одесское пехотное юнкерское училище для держания вступительного экзамена.*

1903 сентября 9 *По невыдержанию экзамена прибыл в полк.*

1903 сентября 15 *Старшим унтер-офицером.*

1903 декабря 17 *Удостоен к переименованию в военное время в звание Зауряд-Прапорщика. Уволен в запас армии.*

Рисковать следующим годом не стал.

Служить Майковский поступил на Либаво-Роменскую железную дорогу статистиком. По всей вероятности, найти эту мизерную, но всё-таки должность, помог Семён Гаврилович Сапицкий, который к тому времени уже оставил пост казначея Мозыря и работал на железной дороге Помощником Контролёра, т. е. заместителем управляющего, современным языком говоря.

Вот Майковский в форме железнодорожника с Мариамной и, возможно, своей сестрой, фотография относится к 1903-05 годам.

В 1905 году состоял в стачечном комитете и участвовал в проведении забастовки по линии железной дороги Минск – Либава. Был арестован, просидел 1 год в Минской тюрьме и выслан административно в Нарымский Край на 5 лет.

Когда поженились Мариамна и Станислав – до ссылки или после – долгое время оставалось неизвестным.

Как это часто случается, совершенно неожиданно обнаружилась почтовая карточка, точно ответившая на данный вопрос. Открытка была послана Мариамне в августе 1906 года в село Колпашево, причём, как видно из адреса, фамилия на тот момент у неё уже Майков-

ская. Правда, корреспондент написал «Мойковской», скорее всего, с Нижней Волги человек, «окающий». Вероятно, из ссыльных. Может быть, даже из беглых ссыльных, не зря С. К. Майковский упоминал в биографии, что помогал в побегах.

26.08.06

Многоуважаемая, спасибо за Ваши «цветки» (карточки).

Шлю привет с Волги. Как Ваше здоровье? У нас таки всё благополучно... а дальше поживём – увидим...

Госпоже М. Мойковской
Томская Губ. Село Колпашево.

Таким образом, к 1906 году Мариамна и Станислав были женаты, и в сибирскую ссылку поехали вместе.

В ссылке пробыл до 1908 года, срок сокращён после перевода Курлова из Минска. В ссылке заведовал побегами политических ссыльных, прошло около 60 человек. В одной из отправленных партий был провокатор, фамилии не помню, который выдал партию, а так же и меня, после чего я был назначен в Туруханский край, но нарымский пристав отстоял меня и я остался в селе Колпашево до освобождения из ссылки.

В 1908 г. поступил на двухгодичные курсы землемеров землеустроительных комиссий при Константиновском Межевом Институте.

Согласно паспортным отметкам, после ссылки Майковские вернулись в Минск, в дом Сапицких, затем оба уезжают в Москву, где третий год живёт младшая сестра Лидия.

Муж последней, Александр Островский, – из киевских мещан, в семье его звали Шурочкой. Он был младше жены и очень в неё влюблён. В 1905 году у них родился сын Сергей. В 1909 году и у супружеской четы Мариамны и Станислава рождается дочь, которой дают имя Галина. Крёстной матерью новорожденной становится Лидия.

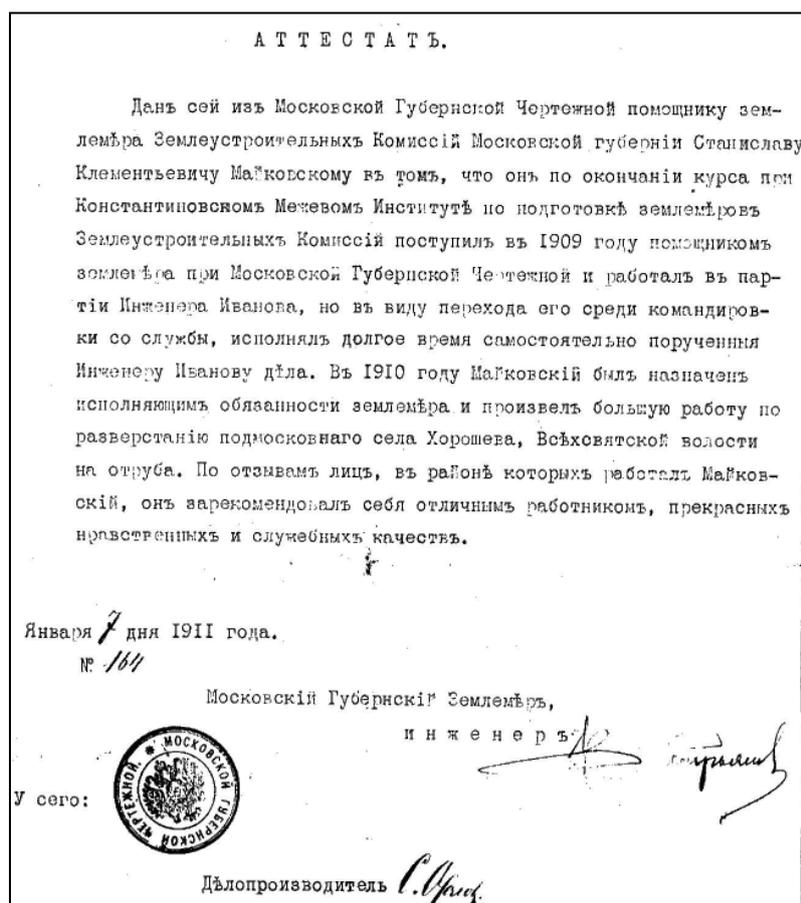

В Москве С. К. Майковский учится на землемера на вечерних курсах при Константиновском Межевом институте, также посещает занятия по агрономии при Петровской сельхозакадемии, успевая работать и содержать семью.

Здесь он собирает большую часть своей обширной библиотеки по агрономии: подшивки

«Нивы», французские, немецкие авторы по садоводству, ландшафтные европейские парки, труды по плодоводству, овощеводству, пчеловодству, брошюры по хранению, переработке овощей и фруктов. Очевидно, именно в это время приходит решение о создании своего плодово-ягодного сада.

В 1910 году окончил Межевой институт и оставлен при Московской Землеустроительной Комиссии пом. землемера в партии инженера Иванова. Ввиду ухода среди лета Иванова на самостоятельные работы был назначен и. о. землемера. Выполнил работу по разверстанию подмосковного села Хорошова на хутора.

В 1911 году перевёлся топографом в Енисейскую губернию, где служил сначала по землеустройству, а в 1912 г. перешёл в Переселение, где и работал до 1914 года...

В книге «Руководящих указаний межевым чинам» от 1913 года подробно указаны все нормы и правила работы с примером геодезической съёмки деревни с пашнями, покосами и лесом. Учитывая огромный поток переселенцев и размеры отводимых им земель, качество и тщательность работы государственных землемеров может привести в восторг любого современного огородника, которому посредники полгода делают план его участка за

немалые деньги. Что уж говорить о сельских жителях, которым много лет не могут выделить их земельный пай из общественного поля?

Конечно, во время столыпинской реформы вакансий по землеустройству в Сибири имелось достаточно, найти инженерную должность не составило труда. Землемеры, топографы для нарезания земли под новые деревни в Енисейской губернии оказались на вес золота.

В 1911 году Майковские переехали из Москвы в Сибирь вместе с крестьянами-переселенцами, выполняя функции сопровождающих. С ними малолетняя дочка. Вот на фотографии, сделанной самим Майковским, видим переселенческую партию, среди них в центре Мариамна с маленькой Галей на руках.

Переселенческая кампания стала гигантской работой по расселению малоземельного крестьянства из центральной части России в Сибирь.

Путь неблизкий, в тех самых теплушках, которые полвека проработали на Сибирской железной дороге, перевезя огромную страну туда-сюда не один раз на тысячи километров. И детей, и взрослых. И фабрики, и заводы. И переселенцев, и заключённых. И солдат – на войну и с войны.

Те ребяташки, что на фотографии, вырастут уже сибиряками, впоследствии, в Великую Отечественную войну, придут под Москву и отстоят столицу от фашиста. По программе Столыпина в Сибирь на свободные земли было переселено к 1914 году 3 миллиона человек, к 1940 сибиряков стало уже порядка двадцати миллионов. Это они работали на эвакуированных заводах, выращивали хлеб для всей страны и врага били. Не Сталин спас Россию в борьбе с Германией, а убитые революционерами Столыпин да царь Николай: благодаря усилиям последнего Транссибирская (Николаевская) магистраль была выстроена в рекордно короткий срок и с высочайшим для того вре-

мени и природных условий качеством. Естественно, без железной дороги столь массовое переселение было бы в принципе невозможно.

С освоением Сибири российскими крестьянами, произошедшим благодаря столыпинской реформе в начале 20 века, русская цивилизация обрела в Азии вторую точку опоры и сделалась в результате много прочнее, чем прежде. Ранее подобную операцию произвела Великобритания. Она сформировала англоязычную цивилизацию в Америке и Австралии. Германия стараниями Бисмарка стремилась создать немецкую цивилизацию

в Африке и Азии, а ранее Екатерина Вторая, в девичестве немецкая принцесса Шарлотта, радея за фатерлянд, создала немецкий анклав в Поволжье, на российской территории.

История говорит о том, что цивилизация, имеющая базисную территорию и запасную – опорную, обладает значительно большими шансами на выживание. Постепенно становится очевидным, каким великим государственным стратегом оказался Столыпин, благодаря реформе которого Россия смогла уцелеть в жесточайшем 20 веке, несмотря на тотальное истребление, творимое над народом внешними и внутренними врагами после 1917 года. Одних только русских крестьян коммунистами было уничтожено в полтора раза больше, чем всех евреев за годы Холокоста.

Если бы некуда было в кризисный момент эвакуировать фабрики и заводы, не окажись в Сибири перед войной 20-миллионного населения, ставшего главной стратегической базой будущей Победы, России вряд ли удалось бы выстоять под ударами Германии, под знамёна которой встали Италия, Япония, Венгрия, Румыния, Хорватия, Испания, Болгария, с союзными Турцией, Финляндией, Норвегией, странами Балтии, и на которую работал промышленный потенциал всей Европы.

В 1911 году перевёлся топографом в Енисейскую губернию, где служил сначала по землеустройству, а в 1912 г. перешёл в Переселение, где и работал до 1914 года...

Районы проведения работ относились к центральной и южной части Енисейской губернии, куда шли основные переселенческие потоки. Приведём выдержку из путевого листа топографа с некоторыми сокращениями.

Открытое предписание

Предъявитель сего топограф Енисейской землеотводной партии С. К. Майковский отправляется для исполнения межевых работ по образованию в Енисейской губернии переселенческих и запасных участков и для работ по внутридельному размежеванию.

Предписывается Уездным Полицейским управлениям, Становым приставам, волостным и сельским властям Енисейской губернии:

1. Способствовать беспрепятственному следованию г. Майковского к месту производства работ и обратно в г. Красноярск, в особенности во время распутицы, наводнения или при других затруднительных обстоятельствах.

2. В местах, где нет почтовых учреждений, отправлять в случае необходимости пакеты по межевым делам с нарочными на обывательских подводах и с платежом прогонов по 3 коп. с версты.

3. В селениях и других местах при затруднительности подыскания квартиры способствовать найму таковой, причём обращать внимание, чтобы помещение было по возможности чистое, светлое и удобное для служебных занятий.

4. Оказывать содействие при найме пеших и конных рабочих на землеотводные работы; при внутридельном же размежевании в заселённых участках наряжать потребное число бесплатных пеших рабочих и подвод с проводником, а также отводить бесплатно квартиру с водой и дровами.

5. В случае надобности хранить оставленное имущество необходимое время и оказывать г. Майковскому полное законное содействие при исполнении им служебных обязанностей.

*Вице-губернатор (подпись)
печать*

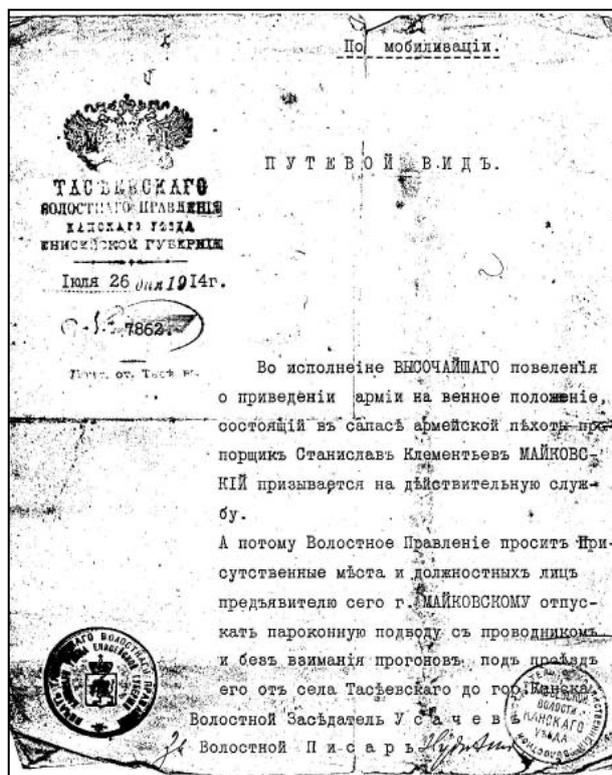
На следующей фотографии переселенцам показывают границы их земельных наделов.

В топографической работе, связанной с командировками по губернии, Майковский провёл с 1911 года по июль 1914.

Летом 1914 года Майковский работает в Канском уезде, селе Тасеевском, здесь его застало объявление о мобилизации. Он призывается на военную службу и получает путевой вид волостной управы о перевозке призывника из села Тасеевского до города Канска с предоставлением подводы.

ГЛАВА 7

В 1912 году семья сестры Мариамны – Лидии Островской – также оказывается в Сибири, но иным путём. После окончания Александром Островским юридического факультета Московского университета они сначала уезжают на юг, в Херсонскую губернию, город Николаев, где в 1910-11 годах Островский состоит младшим кандидатом на судейские должности при Окружном суде.

Особенных перспектив перед младшим кандидатом не открывалось (очевидно, судейские должности в центре и на юге России и в то время заняты очень плотно), поэтому в 1912 году Островский принимает должность мирового судьи в Кузнецком уезде Томской губернии.

Место жительства мирового судьи 2-го участка – село Коурагское. Такое положение вещей не слишком удовлетворяло обоих супругов: после Москвы оказаться во глубине кузнецких руд. Вторую половину 1913 года Александр Островский проводил то в Петербурге, то в Москве, обивая пороги в поисках места, а жена его Лидия Семёновна Островская с сыном перебрались на жительство в губернский город Томск, где остановились поначалу в гостинице «Европа», затем снимали квартиры или просто комнаты по различным адресам. Ездили в гости в Красноярск.

Последняя фотография, на которой супруги запечатлены вместе, относится к августу 1914 года. На обратной стороне надпись:

29-е августа 1914 года. Родненькому Шурику на память о светлых минутах. Счастливые годы, счастливые дни, как весенние воды, промчались они. И ты, и я хотели бы вернуть то время. Храни же на память от безумно любящей тебя Твоей Люси.

Как-то, находясь в отлучке от семьи, на праздник Рождества Христова Островский послал жене и сыну открытку с изображением мальчика в рыбацкой шляпе на балтийский манер, матросском платке, повязанном на шее, стоящего возле стены, покрытой кафелем с изображением моря, рыбаков и рыбацких простых лодок.

Через плечо мальчика переброшено нечто, напоминающее рыбацкую сеть. Надпись на обороте гласила:

Христос Воскресе!

Родненький котёночек, подъезжаем к Николаеву.

Посылаю тебе миленького матросика, чтобы сынишка (далее под сургучной печатью неразборчиво).

Целую Тебя. Любящий Шурик.

г. Москва, Петербургская, дом Твердохлебовой, кв. 3.

Лидии Семёновне Островской.

Дата: 30 марта 1909 года.

Сыну Серёже было четыре года, но вот что удивительно: видимо, открытка настолько ему понравилась, так запала в детскую душу, что с того времени он решил стать моряком и уже не видел себя никем другим. Даже в детстве требовал, чтобы его одевали исключительно в морскую одежду.

На этом снимке Сергей Островский с двоюродной сестрой Галей Майковской. Будущий матрос в бескозырке с ленточками, пальтецо сшито на манер военной шинели.

С началом войны и уходом А. А. Островского на фронт положение семьи резко ухудшилось. Несмотря на то, что он в 1914 году являлся по Табелю о рангах титулярным советником и был мировым судьёй, по военной линии числился низшим чином, о чём записано в его паспорте, так как в армии не служил. В низшем солдатском чине Островский и был призван в действующую армию, возможно, с учётом образования – на какую-нибудь писарскую должность.

Низшие чины не получали денежного содержания даже во время военных действий, стало быть, А. А. Островский не мог оказы-

вать помощь семье, а в 1915 году он погиб. Если Мариамне муж регулярно высылал офицерский аттестат в Красноярск, что помогло продержаться в 14-16 годы, то Лидия с сыном остались совершенно без средств, ей сразу пришлось искать работу: работала учительницей, давала уроки на дому, затем устроилась машинисткой-конторщицей в Отдел Пароходного и Автомобильного сообщения Томского Переселенческого района.

В 1916 году в её жизни появился Валериан Аркадьевич Седмиградский, служащий Переселенческого Управления, за которого она вышла замуж.

Родился Седмиградский в городе Тамбове, в 1873 году, детство провёл в городе Каинске Томской губернии. Отец Валериана служил писцом в различных присутственных местах. В Удостоверении от апреля 15 дня 1895 года Каинского окружного Казначейства, к примеру, мы находим на мешанина Каинска Аркадия Седмиградского следующую аттестацию: *«Во время служения поведения был хорошего, совершенно трезвого, возложенные на него обязанности исполнял с точностью, и вообще служба его в Казначействе была безукоризненна»*. Мать, Анна Васильевна (1854-1902), по обычаям того времени, – супруга и мать семейства.

Пенсионное дело, открытое в 1928 году на Седмиградского В. А., сообщает нам, что образование он имеет *низшее*, то есть ни гимназии, ни реального или хотя бы коммерческого училища не окончил, возможно, и не посещал, и в то же время достиг степеней известных.

Валериан Аркадьевич являл собою фигуру весьма колоритную. Брак его с Лидией Островской стал вторым по счёту, хотя с прежней семьёй он расстался много раньше. Бывшая жена Ольга Петровна проживала в Челябинске. Трудно назвать причину, отчего распался первый брак, некоторый свет на это проливает отрывок из письма отца, Аркадия Седмиградского:

15 Декабря 1906 года

Здравствуй сынъ Воля!

Радъ за Вас, что Вы опять будете жить вместе съ Ольгой. Прекрасно, что ты устроился на линіи (имеется в виду железная дорога), но думаю, что не сможешь ужиться съ народомъ... Целую тебя и прошу не пей водки.

Отец Седмиградский.

Декабристы проклятые все бунтуютъ.

Валериан Седмиградский относился к людям, преисполненным бурной энергии, настоятельно требующей выхода, и находящих его в энергичной работе, дружеских пирушках, диспутах, спорах, и даже в политической деятельности, фундаментальных исторических понятий о специфике коей герой изначально не имеет никаких.

Подобные люди как бы ниоткуда, вдруг появляются в дни важных событий, волею случая взмывают иногда до самых вершин, произносят речи, подписывают воззвания, а потом исчезают совершенно бесследно, так что иной раз возникает сомнение – а был ли герой вообще. След его обрывается, будто растворяется в струях времени, ни в каких списках не значится, будто и не умирал, и не родился даже.

Жизнелюбивый, премного общительный, симпатичный, компанейский человек, рождённый оратор, круг его знакомых необъятно широк: в архиве огромное число мужских фотографий с надписью «Дорогому другу», и женских – с изречениями благодарности и пожеланиями личного счастья. К сожалению, большая их часть не подписана.

Довольно продолжительное время он служил в Управлении Сибирской железной дороги, где тогда же трудился и автор «Томских трущоб» Некрестовский (Валентин Курицын), фотографии которого, увы, не сохранилось. Глядя на следующий снимок, литера-

туровед Николай Валентинович Серебренников сказал: «Как знать, возможно, что среди этих знакомых Седмиградского присутствует и автор томского бестселлера?».

Среди служащих Управления Сибирской железной дороги В. А. Седмиградский стоит крайним слева.

Дядюшка Седмиградского Александр Кудрявцев в письме (Ростов-на-Дону. Декабря 30-го 1902) меж всех прочих размышлений даёт такую картину из детства нашего героя: *«Ты теперь уже женатый и семейный человек, но представь: мне всё кажется странным то, как это “Валёк” (помнишь, я тебя так называл), который так храбро сражался с пылью, вооружённый щитом и саблей, с медалями на груди из картофеля, – как этот самый “Валёк” стал уже взрослым человеком и отцом семейства».*

Итак, в бухгалтерии, а также весьма важном для тогдашней службы чистописании Валериан Седмиградский преуспел благодаря родителю, почерком обладал каллиграфическим, что помогло ему начать службу без какого-либо специального образования чертёжником-копировальщиком на строительстве железной дороги. Здесь он прошёл главные свои университеты, приведшие к удивительным метаморфозам, случившимся с ним и женой его Лидией Семёновной в бурном 1917 году.

В справке о рабочем стаже – из того же пенсионного дела – написано, что *с 1 мая 1891 года по 1 апреля 1893 года Седмиградский работал на изыскании Западно-Сибирской жел.дор. в партии Инженера Андрианова на участке Карачи до 1048 версты в должности чертёжника-копировальщика.*

Затем, *с 1 апреля 1893 года по 1 июня 1905 года, – конторщиком, делопроизводителем и помощником Секретаря Службы пути Западно-Сибирской и с 1900 г. Сибирской жел. дорог.*

А далее весь вышеуказанный стаж заключается жирной чернильной скобкой, которую сопровождает пометка: *«Документы сгорели в пожаре Управления Сибирской жел. дороги в октябре 1905 года».*

Карьера молодого человека, выросшего в маленьком Каинске, не получившего никакого систематического образования, двигалась на удивление споро, к 32 годам он, по

сути, достиг максимально возможного уровня, на который мог надеяться россиянин, имевший происхождение из мещанского сословия, что само по себе говорит о замечательных деловых качествах Седмиградского.

В письме от 1902 года его дяди Кудрявцева есть слова о том, что племяннику следует «утвердиться в дворянстве». Видимо, тот достиг чина, по которому можно получить личное дворянство, и дядя склоняет родственника к этому важному шагу, говоря, что сам Государь Император предрасположен к данному благородному сословию, но никаких бумаг среди документов В. А. Седмиградского о получении им благородного звания нет. Скорее всего, и не было: в то время он уже увлёкся политикой, явно состоял членом какой-то партии. Какой – сказать трудно, архив в советское время почищен от любого упоминания о партийной принадлежности, из чего становится ясно – к большевикам Валериан Аркадьевич никогда не принадлежал.

К 1905 году перед нами вполне обеспеченный господин, глава семейства, хотя семейная жизнь с супругой Ольгой Петровной не слишком ладилась.

Причиной этого, по всей видимости, служило увлечение Седмиградского многочисленными дружескими застольями.

В 1905 году Валериан Аркадьевич уходит с места Помощника Секретаря. Возможно, из-за того, что, как писал отец, не смог ужиться с «местным народом», вступив не с тем, с кем надо, в дискуссии политического характера.

Место на линии вскоре нашлось, но теперь в Пенсионной кассе.

С 1 июня 1905 года по август 1908 года служил делопроизводителем Местного комитета Пенсионной кассы Сибирской железной дороги.

С 1 октября 1908 года по 1 января 1917 года делопроизводителем Томского переселенческого управления.

Однако же маленький клочок бумаги, лежавший девятью годами среди прочих документов уже не в Пенсионном деле, а среди домашних, не слишком важных бумаг, позволяет усомниться в верности датировки последнего стажа.

Это квитанция на два телеграфных перевода. Первый из Новой Бухары в Челябинск О. П. Седмиградской, бывшей жене Валериана Аркадьевича, в размере 80 рублей. Второй в Томск на имя Лидии Островской, в размере 150 рублей. Переводы сделаны 17 декабря 1916 года из Новой Бухары, и, значит, в то время он уже там работал, и даже имел в своём распоряжении средства помогать обеим семьям.

Среди бумаг хранится также телеграмма от 11 октября 1916 года в Томское переселенческое управление Седмиградскому из Новой Бухары. «Предложенная должность свободна до сего времени. Телеграфируйте когда можете освободиться». Из неё становится ясно, что переезд и устройство на новую работу будущего депутата и делегата состоялись где-то между октябрём и декабрём.

И вот наконец состоялся бросок из Томска на юг, навстречу удивительному революционному взлёту:

С 1917 года по октябрь 1917 года Секретарь Службы Пути Бухарской железной дороги.

Беспрецедентный карьерный рост.

В пенсионном деле имеется машинописный ПРОТОКОЛ (копия) заседания от 30-го марта 1917 года представителей Управления и линии Бухарской железной дороги, где среди прочих красными чернилами подчеркнута фамилия Седмиградского как участника заседания (при проверке 1933 года).

На заседании обсуждались вопросы:

1/ О доверии Временному Правительству. Передать наше доверие Временному Правительству и желание установления в России Демократической республики.

2/ О работе на оборону. Войти в соглашение с организациями, распределяющими заказы на оборону, и просить в виду полной готовности всех служащих и мастеровых Бухарской ж. д. исполнить свой долг перед Родиной, дать посильные заказы союзу железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих Бухарской ж. дороги.

Кроме двух этих «общегосударственных вопросов», явно противоречащих большевистской пораженческой концепции, делегаты от Бухары уполномочены были высказаться

3/ По школьному вопросу;

4/ О сдельных и сверхурочных работах;

5/ О 8-часовом рабочем дне, и т. д. и т. п.

В конце говорилось, что делегаты, посланные от Бухарской жел. дороги, уполномачиваются *входить в обсуждение всех вопросов, не предусмотренных наказом, и выносить по ним те или иные решения.*

Теперь трудно понять, зачем Валерий Аркадьевич отдал данную копию при устройстве на работу, когда вернулся сразу после Октябрьского переворота из Петрограда в Томск. Весьма правдоподобным объяснением тому может служить то обстоятельство, что в конце 17 года активное участие в Февральской революции, в её общественных организациях ещё не являлось чёрным пятном биографии, скорее, наоборот, помогло устроиться в Томске по новой для него специальности администрирования в здравоохранении.

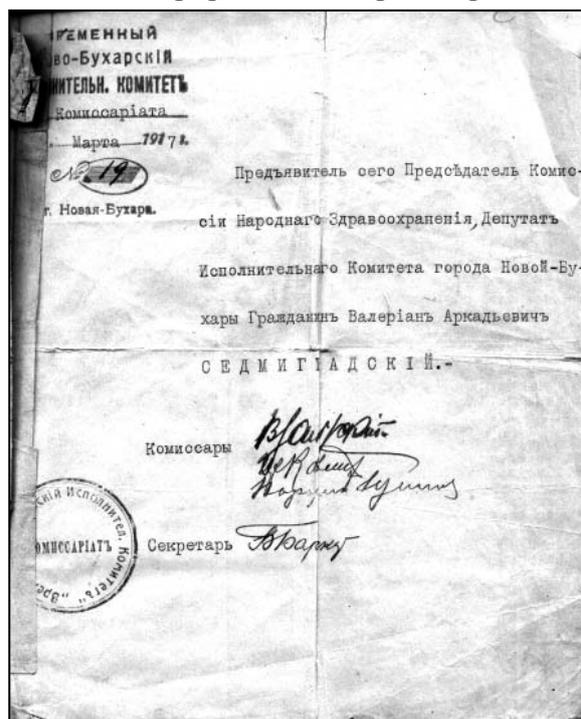
Хранится в деле и документ Временного Ново-Бухарского Исполнительного Комитета, помеченный мартом 1917 года: «Предъявитель сего Председатель Комиссии Народного Здравоохранения, Депутат Исполнительного Комитета города Новой-Бухары Гражданин Валерий Аркадьевич СЕДМИГРАДСКИЙ». С подписями и печатями.

И даже отдал в своё личное дело местные Ново-Бухарские ВЕЧЕРНИЕ ТЕЛЕГРАММЫ (Выпуск 23), публиковавшие кроме телеграмм из Лондона, Москвы и Тифлиса, его обращения:

Вторник 21-го Марта 1917 года

ГРАЖДАНЕ

Здоровье для нас самое главное. Чтобы быть здоровыми и сильными душой и телом – не пейте сырой воды, не давайте ее и Вашим детям.

Арычная вода загрязняется и слѣдовательно ядовита. Не пользуйтесь водой изъ арыков для приготовления пищи и питья.

...

Граждане, будемъ же сознательными гражданами и въ санитарномъ отношеніи.

*Предѣседатель Народной здравоохранительной Комиссіи
Депутатъ Исполнительного Комитета г. Н. Бухары В. Седмиградскій*

В канун Первомая 1917 года делегат Седмиградский шлёт из Петрограда в Новую Бухару телеграмму (черновик приложен в деле, написано рукой самого Седмиградского):

Новая Бухара. Перекрестову. По порученію представителя Совѣта рабочихъ и солдатскихъ крестьянскихъ депутатовъ Марацевича и своего имени поздравляю рабочихъ мастеровыхъ служащихъ Бухарской дороги историческимъ днемъ первое мая

да здравствуетъ демократическая республика

да здравствуетъ великій трудовой пролетарій

Делегатъ Седмиградскій

О том, в каком революционном органе весны-лета-осени 1917 года принимал участие или официально состоял гражданин и делегат Седмиградский, сказать трудно. Обрывок пропуска в Государственную Думу на имя Седмиградского наводит на некоторые размышления.

Кто располагался в Таврическом дворце в апреле 1917? Какие организации?

1. Государственная Дума.

Справка.

3 сентября 1915 после принятия Государственной Думой выделенных правительством кредитов на войну её распустили на каникулы. Вновь Дума собралась только в феврале 1916 г. 16 декабря 1916 была вновь распущена. Возобновила деятельность 14 февраля 1917 в канун февральского отречения Николая II. 25 февраля 1917 была опять распущена и больше официально не собиралась, но формально и фактически существовала. Четвёртая Дума сыграла ведущую роль в учреждении Временного правительства, при котором она фактически работала в форме «частных совещаний». 6 октября 1917 Временное правительство постановило распустить Думу в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание. 18 декабря 1917 одним из декретов ленинского Совнаркома была упразднена и канцелярия самой Государственной Думы.

2. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Справка.

26 февраля 1917 года ряд членов Союза рабочих кооперативов Петрограда, социал-демократической фракции Государственной Думы и других рабочих групп выдвинули идею образования Советов рабочих депутатов по образцу 1905 г. 27 февраля представители рабочих групп вместе с группой думских депутатов и представителей левой интел-

лигенции собрались в Таврическом дворце и объявили о создании Временного исполнительного комитета Петроградского совета депутатов трудящихся. Комитет обратился с призывом немедленно выбрать депутатов в Совет – по одному депутату от 1 тысячи рабочих, и по одному – от роты солдат. Было избрано 250 депутатов, которые собрались в Таврическом дворце. Они в свою очередь избрали Исполнительный комитет Совета, председателем которого стал лидер социал-демократической фракции Государственной Думы меньшевик Н. С. Чхеидзе, а его заместителями – трудовик А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. Большинство в Исполнительном комитете и в самом Совете принадлежало меньшевикам и эсерам – в то время самым многочисленным и влиятельным левым партиям в России.

Естественно будет предположить, что в качестве депутата-железнодорожника Седмиградский приехал в Петроградский Совет, номинально игравший центральную роль в России, на Всероссийский съезд Советов железнодорожников, а затем как опытный делопроизводитель мог войти в один из многочисленных органов какого-нибудь Совета, которые плодились в Таврическом дворце, как грибы после дождя. Вот, например, газетное объявление за апрель 1917 года:

СЪЕЗД ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕТА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ
назначен на 1-е мая в Петрограде

Депутатам от крестьян, проживающим в Петрограде, а также за всеми справками надлеж. обрац. в Таврический дворец. Комитет Совета Крестьянских Депутатов. (Русское слово, № 88, пятница, 21 апреля 1917 г., стр. 1, 1-2 пол.).

Жена Лидия Семёновна сопровождала Валерия Аркадьевича в его перипетиях 17-го года, о чём можно судить по штампам её паспорта. В январе она уезжает из Томска в Бухару, а в апреле вместе с Седмиградским уже из Бухары в Петроград. В конце мая приезжает в Томск, но, похоже, снова вернулась в Петроград и, судя по некоторым бумагам, находилась там до начала июля. После событий июля, связанных с первой попыткой захвата власти большевиками, демонстрациями возле Таврического дворца и общей дестабилизации жизни в столице, вернулась обратно в Томск. В квартире в это время жила её сестра Мариамна Семёновна с дочерью и сыном Лидии Сергеем.

В ноябре, понимая, что означает приход к власти большевиков, в Томске оказывается и сам В. А. Седмиградский. Взлёт к вершинам политической жизни страны окончен, но Валериану Аркадьевичу ещё предстоит долгое, трудное и глубокое падение, став завхозом зловещего Дома № 24 в Томске.

Следующая запись в справке о стаже гласит:

С декабря 1917 по 19 декабря 1919 г. Бухгалтером Томского Губернского Земства и Врачебного Бюро Совдепа.

В Томске того времени действует карточная система.

С 1 января 1920 по февраль 1921 помощ. Заведующего общим подотделом Томской Губкожи.

С февраля 1921 по 8 июня 1922 состоял на Томском собезе, как утративший 65 % трудоспособности.

С 8 июня 1922 по 5 октября 1925 года счетоводом и бухгалтером Томского Упродкома Томского Уфинодела и Губфинодела.

Продовольственный Комитет. 1922-23 год. Продразвёрстка. Вот сохранилась записка:

Зав. Домом № 24 т. Седмиградскому

Дать помещение т. Аникину дополнительно на три дня с 30 / V – 23 г.

Подпись неразборчива.

Получается, что не только счетоводом и бухгалтером трудился Валериан Аркадьевич в Томском Упродкоме, но ещё и Заведующим Дома № 24. А вот **АКТЪ Приема и осмотра мышков/кулей. Томская губерния. Заготовка хлѣба для армии.** Это на одной стороне напечатано типографским способом, а на другом рукой Седмиградского составлен акт новых времѣн.

АКТ

1923 года Мая 22 дня.

Согласно распоряжения Начгубзагота Томгубпродкома от 18 мая с. г. мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в сдаче и приѣме стѣнных часов с боем, находящихся на складе, для вновь открытого дома для приезжающих агентов Губпродкома по Спасской ул. д. № 24, при осмотре часов оказалось, что они требуют ремонта.

Сдал (подпись неразборчива)

Принял Завдом Седмиградский

Присутствовал Старший рабочий Упродкома Васильев.

Губзагот – губернские заготовки, или взыматели сельскохозяйственного продналога с крестьянского населения Томской губернии.

Продналог устанавливался по сдаче с крестьянского двора хлеба, льна, мяса, шерсти, масла и проч., и проч. После сдачи одного продналога начислялся следующий, повышенный. У тех, кто был не в состоянии сдать очередной или внеочередной налог, отбирались в счёт уплаты любые сколько-нибудь значимые домашние вещи, будь то самовар, холсты, бельѣ, часы, если таковые имелись, конфисковали скот, сельхозинвентарь. Занимались этим вооружѣнные продотряды, во главе которых находились три комиссара (Тройка).

Лев Троцкий провозгласил, что следует обрушить на Россию вал таких репрессий, которых ещё не видел цивилизованный мир, прокатиться по ней гигантским катком смерти, раздавить в безликую массу, сделать бессловесным скопищем белых рабов.

И такой вал был действительно обрушен.

Создавать продотряды из числа местных жителей считалось нецелесообразным. Они присылались извне, формирование происходило из интернационального контингента, который оказался после гражданской войны у новой власти под рукой, в том числе подданных Австро-Венгрии и Германии (красные мадьяры), граждан национальностей, живших на территории прежней Речи Посполитой, для коих противостояние с Россией всегда было альфой и омегой национальной консолидации (красные латыши), многочисленных наѣмников-китайцев (по разным данным, от 150 до 200 тыс. человек), принимавших участие в гражданской войне на стороне Красной Армии, и прочего преступного уго-

ловного элемента, освобождённого революцией из мест заключения и мобилизованного, склонного к грабежу и насилию.

Подобному контингенту гораздо проще расправляться с «мелкобуржуазным» крестьянством, чем, скажем, местным милиционерам, на девяносто пять процентов выходцам из того же крестьянства. Формируемые таким образом карательные части отличались особенной жестокостью в отношении к русскому хлебопашцу – «становому хребту России», жестокость эта высоко ценилась, поощрялась и пестовалась коммунистической верхушкой в её борьбе за «Мировую Революцию, против кулака и сельской буржуазии».

Улица Карла Ильмера в Томске до сих пор напоминает о латышском продовольственном комиссаре, прибывшем из Петрограда в Сибирь, особенно отличившемся в организации разграбления местного крестьянства.

С целью расквартирования прибывающих из Центра продотрядов в Томске был создан Дом № 24. Отсюда они совершали карательные набеги на крестьянство губернии, конфискуя запасы хлеба, прочие «сельскохозяйственные излишки», которые эшелонами увозились в Центр по программе, носившей мирное название «Сибирской хлебной экспедиции». На смену одним отъехавшим «хлебным экспедициям» прибывали новые, карательный конвейер работал непрерывно.

Обходясь без суда и следствия, комиссарские Тройки во главе вооружённых продотрядов на месте неустанно проводили политику «красного террора», вынося решения о конфискации необходимого пролетариату крестьянского имущества и даже самих дворов, с выселением хозяев по «законам революционного времени», подавляя любое сопротивление, верша скорую неправедную расправу.

Название «Тройка» тоже возникло отнюдь не случайно.

В. И. Ленин крайне не любил словосочетание «российский народ», в своих речах и статьях пользовался им весьма редко, желая видеть перед собой лишь «трудовые массы» или «пролетарские массы», имея в виду то же самое население, но деструктурированное насилием, лишённое национальных духовных корней, собственности, сложившихся культурных ценностей, униженное до рабского состояния, зависимое от власти во всём – глина, из которой можно лепить что угодно.

Для православного крестьянина в России не было понятия выше и чище Святой Троицы, отсюда, в качестве так называемой антирелигиозной пропаганды, главную силу подавления решено было именовать ТРОЙКОЙ, которая бы имела абсолютное право казнить без суда и следствия, обрекая крестьянские семьи, целые деревни и губернии на голодную смерть, на выселение, на раскулачивание, на ссылку в негодные для жизни северные края, на лесоповал, на смерть детей. Божьего суда не стало в России, и даже человеческий оказался революцией отменён. Всем заправляла всеильная дьявольская Тройка. Пришёл Антихрист, от которого Спасения нет никому.

Начали с главного, с уничтожения Слова. Для чего срочным образом провели реформу русского языка, выбросив за ненадобностью для новой власти слово МИРЪ, с изъятием буквы «ер» из алфавита по соображениям якобы экономии, вместе с «ятем» и прочими. Тем самым свели целостную, гармоничную картину мира и живущего в нём по христианскому закону бытия человека к понятию МИР как простому существованию без войны.

Нынешним детям трудно понять, кто такие «миряне», может быть, замирившиеся горцы? А уж название МИРОВАЯ ВОЙНА в новом правописании выглядит совершенно абсурдным выражением. Большевики уничтожили Слово, обозначавшее духовную основу существования русского человека, – БОЖИЙ МИРЪ, с дальним стратегическим прицелом: уничтожить его и в физической реальности.

Для последующего уничтожения российского крестьянства: отъёма у него (всей!) земли, средств производства, права свободно трудиться и распоряжаться результатами

своего труда, ссылки в непригодные для жизни регионы, и при насильственном превращении оставшейся части в колхозников – крепостных, коммунисты будут использовать особые войска – ЧОН (части особого назначения) для подавления народного сопротивления, которыми покروют всю страну. В самой маленькой сибирской деревеньке встанет свой отряд ЧОН, как правило, состоящий из красных китайцев или красных латышей и мадяров, воевавших в составе 5-миллионной Красной Армии. Иначе говоря, по итогам войны 1918-1921 годов Россия оказалась полностью оккупированной и над её населением власть коммунистов-интернационалистов начнёт ставить ужасающий социальный эксперимент общенародного геноцида, причём осуществлять его при опоре на штыки оккупационных войск, представлявших собою латышские, эстонские, литовские, немецкие, австрийские, венгерские и китайские иностранные легионы.

Итак, Спасская, 24 – базовый пункт расположения карательных Троек – прибывших агентов по заготовкам с вооружёнными продотрядами в городе Томске.

Нетрудно догадаться, за какие грехи Валериан Аркадьевич Седмиградский оказался вдруг заведующим Домом на Спасской (ныне улица Советская), где расположился Трёхглавый Змей революции, откуда летал по окрестным деревням и сёлам собирать дань, если внимательнее проследить его трудовой путь.

Непосредственно перед устройством на работу в Губпродком он вдруг ни с того ни с сего утрачивает 65% трудоспособности, притом не называя никакой конкретной причины произошедшего, болезни или несчастного случая. Взял Седмиградский да утратил вдруг здоровье, после чего отправился Дом № 24 благоустраивать, выполнять поручение партии за прегрешения вольнодумного 17 года.

Не только заведовать хозяйством дома пришлось, но и жить в нём! Адрес в заявлении на инвалидность от 1928 года указан: Спасская 24/28!

А дом-то должен быть большой, если имелась 28-я квартира, – подумалось сначала. Даже если предположить, что по коммунистическому обычаю квартирами стали называться комнаты. И сделался Валериан Аркадьевич заведующим гостиницы, где расслабляются, пьют каратели после своих операций или перед оными. Вспомним повесть русского писателя трагической судьбы Зарубина «Щепка», литературное произведение потрясающей силы, написанное по следам событий, запрещённое, изъятое, казалось, навсегда, похороненное в недрах ГПУ-КГБ и возвращённое миру замечательным томским литературоведом Риммой Ивановной Колесниковой. В повести с обнажённой страшной правдой показано, как жили чекисты, ведущие бесконечные расстрелы, а комиссары и там, и здесь одни и те же.

Активированные настенные часы с боем тоже конфискованы и вынесены из чьего-то дома, но не ходят нынче, бастуют, вражки души. И всё прочее в этом доме отнято по разбойному, взято силой штыка.

Имеется опись имущества, находящегося в доме для приезжающих Томгубпрода. Составлена 15 мая 1923 года. Как специально, первоначальная запись в книге имеет вид: **ОПИСЬ имущества оставшегося послъ смерти.** Впрочем, весьма возможно, что на складе много вещей такого рода.

Кроватей железных.....	15
Столов канцелярских простых	5
Стол большой круглый.....	1
Матрацев.....	11
Умывальник жел. с медн. крепл	1
Железный таз.....	1

Кружек чайных	10
Чайник фарфоровый.....	1
Щётка половая	1
Венских стульев	4
Самовар.....	1
Кадка для воды.....	1
Столов простых.....	4
Кресел мягких.....	2
Диван мягкий	1

А также к данному помещению, где жили рядовые продотряда, относились: диван садовый зелёный, часы настенные с боем, наволочки, подушки, сани розвальни со сбруей, лошадь рабочая и прочие вещи, вплоть до клюки.

Для Тройки комиссаров в доме имелись другие, совсем иначе меблированные квартиры:

1. Гардероб старый.....	1
2. Умывальник мраморный новый	1
3. Буфет новый	1
4. Этажерка	1
5. Гарнитур мягкой мебели «под ясень», обитый голубой материей:	
Диван.....	1
Стол преддиванный	1
Кресел	2
Стульев.....	6
Пуф	1
6. Тумбочек высоких для цветов	2
7. Шифоньер с зеркалом.....	1
8. Письменный стол с 7 ящиками, крытый зелёным сукном.....	1
9. Комод.....	1
10 Кровать 2-ух спальная с сеткой	1
11. Тумбочка – ночной столик.....	1
12. Кровать железная полутораспальная с пружинным матрацем	1
13. Кровать железная простая.....	1
14. Стол обеденный.....	1
15. Стульев венских	6
16. Стул венский детский.....	1
17. Зеркало с ящиком коридорное	1
18 Стол кухонный	1
19 Табуретов	2

Устраивались на постой, как видно из описи, комиссары Троек по-барски, питались и того лучше, самогоном сжигая остатки человеческой совести. Но даже в те времена меж комиссарами Тройки не было широко рекламируемого равенства. Главный спал на «2-ух спальную кровать с сеткой», второй на «полутораспальной с пружинным матрацем», а наименьший комиссар, обязанный ещё только доказать свою избранность, обходился пока кроватью простой, железной. Зато какой простор для служебного рвеня: сдери с крестьянина шкур больше, и будет тебе 2-спальная с сеткой!

Сохранился ли до настоящего времени Дом № 24? Спасская – нынешняя улица Советская в Томске. Переименование случилось в 1929 году.

Позвонил известному в Томске архивисту, члену редколлегии журнала «Начало века» Валерию Ивановичу Маркову, спросил, не происходила ли подвижка в нумерации домов после переименования? Валерий Иванович вспомнил, что происходила, однако небольшая, и посоветовал справиться в Госархиве Томской области.

В архиве сотрудники нашли, что подвижка произошла на четыре номера, а именно: Спасская, 22 перешла в Советскую, 26, отсюда Спасская, 24 в Советскую, 28. Далее по карте 1933 года определили, что Советская, 28 – угловой дом на пересечении Советской с улицей Никитина. Нынче на этом месте располагается более новое здание послевоенной постройки.

Подтверждение тому, что Дом № 24 получил адрес Советская, 28, содержится и в самом пенсионном деле Седмиградского, где чёрным по белому рукой Валериана Аркадьевича записан адрес его проживания: ул. Спасская, 24/28. Совсем это не номер квартиры – 28!

Просто ещё до переименования адреса домов стали двойными, включив в себя будущие номера, 28 – адрес дома по будущей Советской. Далее в том же пенсионном деле впоследствии дан новый адрес проживания Седмиградского – ул. Никитина, дом 2, кв. 4. Что является адресом того самого углового дома по Спасской.

С 24 декабря 1925 года по 1 июня 1926 года Помбухгалтера Томского ОкрФО.

С 11 июня 1926 года по 26 января 1928 года конторщик, счетовод и делопроизводитель Топливной части Хоз-Матер. Отдела Томской жел. дороги.

Последним в пенсионном деле приколот ордер на выплату пенсионного пособия с 1 декабря 1930 года на всё те же 16 рублей 20 копеек.

В октябре 1927 года в Томск В. А. Седмиградскому пришло письмо из Свердловска.

Здравствуй, папа, почему ты мне не пишешь, что этому причиной? Я не писала потому, что была всё время занята, т. е. готовилась к свадьбе, а теперь я уже замужем и у меня много свободного времени.

Вот уже два месяца, как я замужем. Занимаем небольшую комнатку недалеко от мамы, у неё и столуемся. Аня тоже выходит замуж, но она уезжает в Харьков. От тётки Жени нет писем, не знаю, что с ней. Надя живёт с мужем очень хорошо. Мама и все остальные здоровы. Как ты живёшь? Что нового в твоей жизни? Как твои служебные дела? Из скольких человек состоит твоя семья? Чем они, остальные, занимаются, чем интересуются? Говорил ли ты, что у тебя когда-то была другая семья, что были три дочки? Вообще напиши подробно о своей жизни, если тебе это не покажется трудным.

До свидания, целую, Нина. Пиши обязательно.

На конверте проставлена дата: *Ответ 23/X 27.*

Отлично сохранилась фотография Седмиградского с дочерью Ниной, сделанная в начале 20-х годов.

Обращение к поисковой системе Интернета с запросом по Седмиградскому принесло информацию о том, что в декабре 1927 года гражданин Седмиградский был арестован:

Седмиградский Валерий Аркадьевич
Родился в 1873 г., Тамбов, русский, образование начальное, беспартийный,
Томская ж. д. счетовод хоз-мат. отдела.
Проживал: Томск
Арестован 9 декабря 1927 года
Приговорён 15 февраля 1928 г., обв.: ст.58-02, антисоветская агитация.
Приговор: освобождён. Реабилитован 11 мая 1993 года.
(Книга памяти Томской области)

Выпустили его из-под стражи гораздо раньше приговора, иначе как бы он смог оформить себе пенсию 28 января? В томской Книге памяти среди расстрелянных во время репрессий фамилия Седмиградского отсутствует. В любом случае с конца двадцатых годов для Седмиградских наступает очень трудное время.

В 1929 году в жизни Лидии Семёновны происходит трагедия – на службе в Кронштадте гибнет при невыясненных обстоятельствах её сын Сергей.

Одним из последних документов, касающихся судьбы Седмиградского, имеющим точную датировку «март 1931 года», является справка, в которой предприятие Ж.А.К.Т. «Томский пролетарий» сообщает в Томгорстрахкассу, что в конторе Ж.А.К.Та работает в качестве секретаря и счетовода инвалид труда 3 группы Седмиградский Валерий Аркадьевич, проживающий по Никитинской улице, дом 2, квартира 4, с окладом 80 р. в месяц, прочего дохода не имеет.

Другая зацепка, позволяющая говорить, что в ноябре 1932 года Седмиградский был жив и относительно здоров – маленький жёлтый листочек, где написано ясными, понятными буквами, чтобы удобно прочитать с трибуны:

Совет детсада № 63 в день 15-летия Октября отмечает добросовестную работу счётного работника Семиградского Валериан Аркадьевича, несущего совершенно бесплатно всю счётную работу и наладившего её, благодарит его за эту работу и надеется, что в дальнейшем будет так же неустанно работать.

Ошибка в написании фамилии даёт основание полагать, что писал благодарность от лица коллектива не сам Седмиградский. Но даже эту бумажку он выпросил на хранение, как грамоту, благодаря чему она долежала до нынешних времён.

Ответить на вопрос, откуда пенсионное дело оказалось у Седмиградского на руках, помог ветхий тетрадный листок, чрезвычайно неразборчиво написанный карандашом, который при тщательном рассмотрении оказался черновиком объяснительной в Дом Труда, комната 61, из которого явствует, что дело из Страхрайкассы находится на руках Седмиградского и было взято на переосвидетельствование инвалидности, но прийти на комиссию он не смог по болезни ног. Просьба провести переосвидетельствование на квартире. В доказательство своей болезни Седмиградский предлагает показать 66 рецептов выписанных ему лекарств. Дата: 20 марта 33 года.

То, что пенсионное дело так и осталось в домашнем архиве, даёт основание полагать, что переосвидетельствование инвалидности Седмиградский так и не прошёл, умерев в том же 1933 году.

В 1931 году из Минска на имя Лидии Семёновны пришло письмо, в котором её мачеха Елизавета Алексеевна сообщила о смерти отца Лидии и Мариамны – Семёна Гавриловича Сапицкого. *Получено 24 сентября 1931, отвечено 25 сентября 1931.* Правописание сохраняется.

Милые дорогие мои Лидия Семеновна с мужем сегодня у нас Воскресенье мы встали и горько горько поплакали по своему дорогому татуньке день и ночь плачем мы все по нем

вчера вечером мой Юрий (у Елизаветы Алексеевны и С. Г. Сапицкого было два сына) так заплакал что я его немогла успокоить очень жалеет отца Леник бедный сделался худой очень скучает Сегодня мне Юрик говорит если бы приехали Лидуся с Валерияном я бы больше ничего не хотел слушался бы их все от Валерияна не отставал бы потому что папочки нашего нет. Прошу Вас приехать я буду работать сама на всех одна так как я работала до сих пор.

Ой боже мой почему же мы одни остались Куда же той родной дорогой отец ушел от нас Я уж божаго свету не вижу от слез. Приехать хоть Вы успокойте нас грешных людей ой божа милый Что он сделал с нами помер отец наш дорогой и жизнь померла наша в месте с ним только еще мы остались на мученье ах ты божа Божа милый возврати нам нашего старичечка милаго котораго ты отнял у нас 17 августа в 11 и 10 минут утра Я Вам послала телеграмму когда только отец умер Не знаю получили ли Вы или нет На одну телеграмму я получила ответ а на другую ничего не получила, мы живем Юрик Леник я девочка 8 лет сирота моей сестры У меня есть карова двое свиной два собаки две курицы 7 циплат и больше ничего нет Все мое хозяйство все не мило тогда была охота работать когда был отец живой и сейчас все пропала сделалась мертвые руки Я больше ничего не знаю только скорее бы помереть всем нам пока будьте здоровы все целуем Вас все мы ожидаем Вас напишите нам приедете или нет

Еще раз будьте здоровы.

Проживал до своей смерти Семён Гаврилович всё в том же доме по улице Старослободской, 45.

В Интернете на фамилию «Сапицкий» всплыл сайт 21.by, а в нём Елена Авринская с «Гимном старым документам». Она изучает «Минский курьер» за 1927 год, где говорится о проблеме с чистой питьевой водой в городе.

Докладная записка санитарного врача Мовниной сообщает, что на 62 двора Старослободской улицы есть только один частный колодец у гражданки Сапицкой, «которая не всем даёт воду и взимает за неё большую плату». Тогда же, в 1927 году, – пишет Авринская, – и было принято отменённое ныне решение, что владельцы не должны препятствовать отпуску воды всем желающим, но для содержания водоисточников в чистоте и исправности предписывалось брать ежемесячно по 8 копеек с каждого члена семьи, пользующихся колодцем, по 20 копеек за коня и корову, по 5 – за козу и свинью.

Вообще-то до революции во всех городских дворах имелись частные колодцы, не очень глубокие, чтобы хватало на нужды проживающих, полив огорода и напоить домашний скот. Огороды поливались в последнюю очередь, поздним вечером, при этом вода вычерпывалась почти до дна и была уже сильно взбаламучена. К утру натекала новая. Посему никак не могло одного колодца гражданки Сапицкой хватить на всю улицу и всех городских прохожих, желающих освежиться.

Нынешняя минская журналистка, весьма возможно, не знает специфики функционирования усадебных колодцев, поэтому решение властей от 1927 года ею воспринимается как защита прав жаждущего воды неимущего соседнего уличного народа от некой жадной гражданки Сапицкой. Ей в голову не приходит задать себе простой вопрос: почему люди, живущие на Старослободской улице, больше не чистят колодцы в собственных дворах? Невдомёк журналистке, что власть своим постановлением отнюдь не решила проблему, зато стопроцентно лишила семью Сапицких чистой воды, если не воды вообще, сделав частный двор проходным, тем самым сокращая жизненное пространство семьи, а заодно накладывая фискальные обязанности составления списков проживающих на улице с учётом скота и, стало быть, необходимость платить налог со сборов за воду, а также содержать колодец общего пользования в чистоте, что при неограниченном коли-

честве желающих им в любой момент дня и ночи пользоваться, физически неосуществимо.

Что и говорить, нелёгкая жизнь началась у Сапицких с 1927 года: «...мы отстались на мученье ах ты божа», – оставалось причитать «гражданке Сапицкой» много ранее смерти мужа.

В 60-е годы Н. С. Хрущёв вознамерился уравнять в правах городских и сельских жителей, для чего в деревнях предполагалось отрезать землю «по крыльцо», забрать в общественный фонд огороды и дворы, чтобы жители не отвлекались на ведение личного подсобного хозяйства, все силы до последней капли отдавая труду в колхозах, «производительно работая», а по вечерам «культурно отдыхали» в сельских клубах. Только так, мол, и может получиться долгожданный коммунизм, и никак иначе.

Слава богу, объяснил кто-то Первому секретарю ЦК КПСС, что начнётся тогда в стране не коммунизм, а очередной голодомор, какого не видывали никогда, ибо выживала русская деревня во все времена исключительно за счёт своего огорода, на барщину и на колхоз не имея ни малейшей надежды.

Но отчего, скажите, пожалуйста, в богатых Америке с Англией, где проблема голода вроде бы не стоит, где изобилие продуктов в благоприятном климате производится тремя процентами населения, отчего даже там и в городах подавляющее большинство живёт в домах с обязательным собственным задним двориком и зелёной лужайкой? Прихоть? Да нет, насущная необходимость: личное пространство на земле необходимо живой человеческой семье, а без него, в каменных клетках без неба, солнца и цветов она чахнет, задыхается, сколько ни плати денег за рождение второго и последующего ребёнка. Разрушается, едва успев родить первого.

В 1935 году Лидия Семёновна окончила курсы счётных работников.

Свидетельство об окончании бухгалтерских курсов ей выдано уже на фамилию Островской.

В 1938 году, в возрасте 55 лет (!) она сдала экзамены и, получив аттестат Томского педучилища, переехала из Томска в сельскую местность, где стала работать учительницей начальных классов.

Дом № 24 ушёл наконец из её жизни, но сама жизнь от того не сделалась легче.

Письмо Островской к её внучатой племяннице от 2 ноября 1953 года.

Дорогая моя Лия!

Сердечно поздравляю тебя с днем Твоего рождения, желаю Тебе здоровья и исполнения всех Твоих желаний. Очень жаль, что не могу сама приехать и поздравить лично.

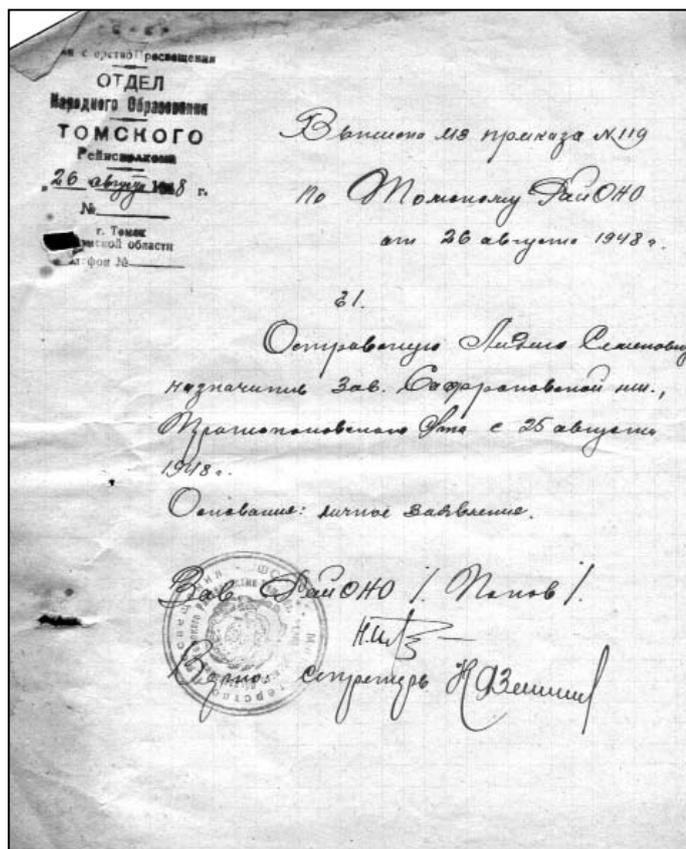
Дело в том, что у меня нет валенок, т. е. они есть, но обе пары без подошв, у меня нет подшивки для пимов. Ехать в тех пимах, в которых я была у Вас, теперь невозможно, снег засыпается между галош и валенок, а в галошах ноги мёрзнут.

Вера обещала увезти мои валенки в город и отдать мастеру для подшивки. Она продаст орехи и заплатит за подшивку, а я, когда получу пенсию, уплачу ей. Вера купила здесь себе валенки. Заплатила часть деньгами и часть картошкой. Дорога теперь очень убродная, т. ч. сейчас ехать невозможно. Посылаю тебе облигацию на счастье, может быть, и выиграешь. Очень уж хотелось побывать у Вас. Так будет зимой тоскливо. Пошли мне с Верой какую-нибудь книжку почитать. Крепко целую Тебя, моя дорогая. Всей душой любящая тебя баба Лидя.

Р. С. Поцелуй от меня всех наших.

Деревня Малое Протопопово,
Томский район, Протопоповский с/с.
Островской Лидии Семёновне.

Работая на селе, Л. С. Островская
была заведующей Сафроновской на-
чальной школой, заведующей Лоску-
товской начальной школой, учитель-
ницей начальных классов села Боль-
шое Протопопово Томской области.
В 1954 году переехала в Томск к се-
стре Мариамне на Белинского, 48.

ГЛАВА 8

Вернёмся к автобиографии основателя сада Шкроева в Томске С. К. Майковского, составленной им по требованию органов в 1937 году:

В 1911 году перевёлся топографом в Енисейскую губернию, где служил сначала по землеустройству, а в 1912 г. перешёл в Переселение, где и работал до 1914 года, когда был мобилизован как прапорщик запаса. Отправлен на фронт против Германии с 31-м Сибирским Стрелковым Полком.

В 1914 году Майковскому исполнилось 33 года. Он получил достаточное образование, имел престижную, хорошо оплачиваемую работу топографа, состоял в инженерной должности, был женат, воспитывал дочь и, вероятно, предполагал в самом скором времени начать закладывать сад и строить собственный дом в Красноярске.

Воинские подвиги, мечты о блестящей офицерской карьере остались в далёком юношеском прошлом, когда служил вольноопределяющимся в Житомирском полку, надеялся поступить в кадетское училище, стать офицером.

Однако судьбе было угодно распорядиться таким образом, что именно теперь пришлось расставаться с устроенной мирной жизнью, планами на строительство семейной усадьбы, надевать военный мундир да идти воевать.

31 Сибирский стрелковый полк располагался в Красноярске. Из августа 1914 года сохранилось несколько фотографий тех событий.

На следующем фото С. К. Майковский стоит в первом ряду крайний справа.

В военном билете Майковского значатся следующие записи:

Бытность в походах и делах против неприятеля.

1914 июля 18 По мобилизации призван из запаса и назначен в 31 Сибирский стрелковый полк.

1914 августа 25 Выступил на театр военных действий против Австро-Германии.

1914 сентября 28 Перешёл границу Германии.

1916 мая 12 Ранен у станции Вилейка (получил ранение бедра правой ноги. Перевязочное свидетельство № 345, приказ по дивизии № 5114).

Старший врач
8-го СИБИРСКОГО
эт. батальона
СВИДЕТЕЛЬСТВО
15 мая 1916 г.

№ 345 Дано прапорщику 8-го Сибирского этапного батальона

Станиславу Майковскому в том, что вышеупомянутый 12 мая с/г получил слепое ранение бедра правой ноги в верхней трети его осколком разорвавшейся неприятельской бомбы. Всё сие удостоверяю моею подписью и казённой печатью

11 мая 1915 года. Родимый Стасик! Галя посылает папочке открытку и просит, чтобы ты приехал повидаться с ней. В дороге ведёт себя великолепно. Сейчас просит, чтобы я прокатила её на извозчике. Целуем. Твои Маруся и Галя. Действующая Армия 8 Сибирский Этапный батальон. Прапорщику Станиславу Клементьевичу Майковскому.

Папе открытка понравилась настолько, что он пронёс её с собой через всю войну и привёз домой обратно.

Когда отец ушёл на фронт воевать с Австро-Германией, Гале Майковской было пять лет.

Писать она не умела, но почтовые карточки папе посылать любила, разрисовывая их разноцветными карандашами. Вот подрисовала казачкам щёчки поярче и глазки покрасивее. Согласно штемпелю, отправлена открытка была с вокзала. На обратной стороне:

В 1915 году жизнь в России и Сибири резко ухудшилась. Повсеместно возникли затруднения с продуктами. Из-за массовой мобилизации рабочих рук на селе не хватало, только что поднятая сибирская целина стала вновь зарастать бурьяном.

После фронтового ранения Майковского встал вопрос, сможет ли он содержать семью, работая землемером, ведь эта профессия изначально предполагает дальние поездки, многокилометровые ежедневные походы по пересечённой местности и бездорожью с инструментом для проведения измерений. И получалось, что, скорее всего, – нет, не сможет. Понимая это, Мариамна Семёновна решила подыскать себе такую работу, которая бы помогла обеспечить их семью.

В 1916 году ей исполнилось 34 года. Они с дочкой жили на съёмной квартире в Красноярске.

Свидетельство Виленского Учебного Округа позволяло *«Мариамне Сатицкой носить звание домашней учительницы с правом преподавать Русский язык и словесность, Французский и Немецкий языки, Историю, Географию, Физику и Математику со всеми выгодами и преимуществами присвоенными означенному званию».*

Однако тяготы военного времени привели к тому, что на образовательный рынок было выброшено слишком много претендующих на преподавательскую деятельность людей, а знания, увы, имеют тенденцию в тяжёлые времена обесцениваться даже скорее денег, и прокормиться педагогической работой, а тем более частным репетиторством, становится настолько затруднительно, что даже такая прирождённая учительница, какой была её сестра Лидия, с молодого возраста занимавшаяся с ученицами в Минске, теперь в Томске работала машинисткой-контрщицей. Преимуществ и выгод, присвоенных учительскому званию прежде, по военным временам что-то совсем никаких не осталось.

Раз не учительство, то что?

Выход был найден, и решение принято: в том же 1916 году Мариамна Майковская вместе с дочерью переехала в Томск, где поступила учиться в зубоветеринарную школу Каменецкого на стоматолога.

Первый семестр – с сентября 1916 года.

Можно удивляться и поражаться решимостью этой женщины, а с учётом стези, ею избранной, так даже возторгаться силе духа. Понятно было бы, если она, допустим, выросла в семье врачей, знала профессию с младенческого возраста, а тут не в молодом возрасте вдруг взять и пойти учиться на такую специальность, при одном упоминании о которой непроизвольно охватывает дрожь! С другой стороны рассуждать – а куда ещё по-

даться? По крайней мере, зубной врач ни в какое кризисное время не пропадёт, всегда будет нужным человечеству.

Сестра Лидия к тому времени замужем за Седмиградским. Майковская с дочерью остановились у них. С января 1917 Лидия пустилась в революционный полёт следом за Валерианом Аркадьевичем сначала в Бухару, потом в Петроград, оставив на Мариамну своего сына Сергея. Во всяком случае, судя по прописке, возвращается она из своей «командировки» на прежний адрес, в съёмную квартиру по улице Магистратской, 44.

Через три года платной учёбы в зубоврачебной школе Каменецкого, в 1919 году, на медицинском факультете Томского университета Мариамна Семёновна Майковская получает звание зубного врача.

Обратимся вновь к АВТОБИОГРАФИИ Станислава Майковского:

Ранен с раздроблением тазобедренного сустава у ст. Вилейка, произведён в подпоручики в ноябре 1917 г.

После свержения царизма был выборным дивантом в 175 пех. дивизии, после Октябрьской революции выборным дивантом в 5 стрелковой дивизии.

Дивант – интендантская должность по снабжению. Уже в январе 1917 он снова в армии, хотя в нестроевом управлении.

Армейское удостоверение с фотографией Майковского. На печати надпись: «Управление Корпусного Интенданта 38 армейского корпуса».

В марте 1918 года демобилизован по возрасту, прибыл в Томск. Был вызван в Енисейское Переселенческое Управление и назначен для обследования земель в Ачинскую Земельную Управу.

**АЧИНСКАЯ
ЗЕМЕЛЬНАЯ УПРАВА**

*Землемеру Станиславу Клементьевичу
г. Майковскому
Уездного Земельного отдела
Советов Солдатских, Крестьянских
и Рабочих Депутатов*

Июня 12 дня 1918 года

№ 957

г. Ачинск, Енисейской губ.

Земельный Отдел поручает Вам выполнение работы по учету на местах водворенных переселенцев по переселенческим участкам П О К Р О В С К О Й волости с целью определения степени заселенности последних путем проверки на сходах. Для руководства прилагаются списки домохозяев по указанным участкам в коих необходимо в графе «ОТ-МЕТКА» указывать определенно причины отсутствия домохозяев скрепляя настоящие списки протоколом по образцу и составляя отдельно протокол о всех переселенных Казенной Палатой, но не проживающих на участке переселенцах. На участках подвергнутых внутринадельному размежеванию в списках домохозяев должны быть указаны № хуторов и отрубов занятых, определяя таким образом свободные от заселения.

О ходе работ представляете в Земельный Отдел ежемесячную отчетность первого числа каждого месяца по формам установленным прежней практикой, извещая о дне выезда на работу и об окончании данного поручения.

1. Таловка – 24 июня	2. Боровка – 25 июня
3. Великокняжеская – 26 июня	4. Тимонинское – 21 июня
5. Лапиша – 23 июня	6. Усть-Тулатское – 24 июня
7. Ср.-Тулатское – 24 июня	8. Дубровный – 22 июня
9. В.-Тулатский – 28 июня	10. Усть-Ольховское – 30 июня
11. Ольховская – 1 июля	12. Канторина – 2 июля
13. Салырская	14. Карловка

Председатель Уездного Земельного Отдела
Секретарь

Из выданного ему списка Майковский не успел обработать два последних населённых пункта.

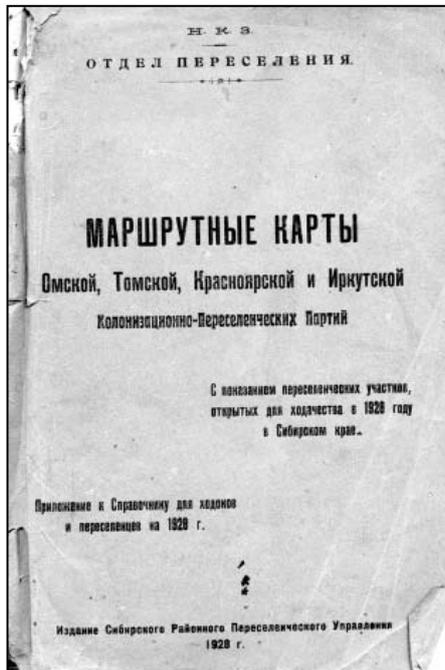
Мобилизован Сибирским Правительством, но уехал в район для окончания работ.

13 июня мобилизован в Ачинске, не желая служить, получил командировку Земельной Управы, уехал в Томск. В Томске был снова призван, лёг в лазарет – признан годным на нестроевые должности. Назначен командиром нестроевой роты в 45 Сиб. стрелковый полк, а потом полковым интендантом уехал на фронт в мае 1919 года, в конце июня заболел сыпным тифом, поправившись, заболел возвратным тифом, и прибыл в Томск, домой, в тифу, в конце сентября, болел до января 1920 года.

Таким образом, хоть недолго и на интендантской должности, Майковский служил в Белой армии, в 45 Сибирском стрелковом полку. Опять Сибирский полк. Интересно, что известная песня красной конницы: «По долинам и по взгорьям» имела ту же музыку, что и марш «дроздовцев» Добровольческой армии. Но это не значит, что «красные» украли музыку у «белых», или наоборот. Те и другие позаимствовали музыку марша Сибирских полков, написанного в 1-ю мировую и за долгие годы советской власти крепко-накрепко специально забытого, в результате чего на памяти потомков остался лишь «красный» вариант песни, хотя первоначальный, авторский, «сибирский», не утерян, он также существует.

В январе 1920 г. поступил в Губкомхоз секретарём пожарного подотдела. В апреле 1920 г. был арестован Губчека по ложному доносу, освобождён в 1921 году. С 1 января 1921 года служил в Губземотделе заведующим Корчевального Отдела и был в этой должности до 1 мая 1922 г.

Корчевальный отдел относился по-прежнему к Переселению. Несмотря на то, что большевики ненавидели А. П. Столыпина и с восторгом праздновали его убийство, после революции структура Переселения, созданная «проклятым царизмом», существовала вплоть до 30-х годов.

Вот, к примеру, маршрутные карты для Колонизационно-Переселенческих партий (новое, европейское, название!), изданные в Томске в 1928 году. Всё бы ничего, но авторство издания, отмеченное на последней странице, удручает: НКВД. Переселение добровольное окончилось, предстоит новая колонизация лагерного типа, и ещё органам непременно нужно знать, где, на каких хуторах и заимках окопался стольпинский переселенец-крестьянин, а по новой терминологии – кулак-миродед. Каких хором себе настроил на вольных хлебах, сколько земли распахал, лошадей, скота развёл? Живёт-поживает, на себя работает, небось, и знать не знает ни о коммунах, ни о предстоящей коллективизации, ни о продотрядах.

С 1-го мая перешёл на службу в комитет помощи больным и раненым красноармейцам, где прослужил до 1 марта 1923 года и ушёл со службы по болезни.

Комитет помощи больным и раненым красноармейцам впоследствии переименовали во «Всероссийское общество помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам, семьям лиц, погибших на войне, и семьям лиц, призванных в РККА и ФЛОТ». Слишком многим, вообще практически всем гражданам страны, а потому – никому конкретно.

Организация сия существовала продолжительное время: вот почтовая карточка, выпущенная в 1932 году, призывавшая сознательных работниц вступать в ряды общества, дабы вовремя и аккуратно платить членские взносы.

Конечно, в трудное время гражданской войны и после неё семью, живущую в Томске по-прежнему на квартирах, очень выручала зубо-врачебная деятельность Мариамны Семёновны. Начиная с 1919 года она была частнопрактикующим врачом.

Для врачебной деятельности были приобретены необходимые инструменты, в том числе зубной бур с ножным педальным приводом, специализированное зубо-врачебное кресло по последнему слову тогдашней стоматологической науки.

С приходом Советской власти как зубного врача её мобилизовали в кадровый состав

Красной Армии, с ноября 1919 года по ноябрь 1921 года Мариамна Семёновна работала в 25 Пехотной школе города Томска, затем штатным ординатором стоматологической клиники с января 1922 года по ноябрь 1927. Впоследствии, с 1928 по 1932 г. была зубным врачом Сибкрайтруддома для несовершеннолетних правонарушителей. А с 1 июня 1932 года она – зубной врач в Томской артиллерийской школе, по апрель 1933, после чего работала в Томской Центральной поликлинике до 1944 года.

Разведение большого сада и строительство дома требовало значительных денежных средств. Пришлось ехать на заработки: в недолгую пору советского НЭПа государством была разрешена частная врачебная практика, и в 1928 году М. С. Майковская совершила многомесячную поездку на горный Алтай в качестве частнопрактикующего врача, везя с собой более чем 100-килограммовое чугу-

нное стоматологическое кресло и прочие медицинские препараты. На одной из тамошних крутых дорог кресло не удержалось на телеге и улетело в пропасть, к счастью, не только не сломалось, но даже нигде не треснуло, хотя и было сделано из чугуна.

На протяжении всей жизни Мариамна Семёновна и Галина Станиславовна оказывали друзьям, соседям и просто страждущим (к их числу автор относит и себя) медицинскую стоматологическую помощь совершенно безвозмездно, используя всё то же надёжное кресло с мягким сиденьем, покрытым красным бархатом (несколько уже потёртым к 80-м годам прошлого века), и сверлильный аппарат с механическим ножным приводом.

Приведём выдержку из интернет-текста «Прилежаевы», ярко живописующую атмосферу того времени, когда со всеми зубными проблемами близкие и дальние соседи спешили к Майковским.

«Вскоре кот устроил нештучную заварушку, завязив между зубами солидную рыбью косточку. Мечется, хрипит, капает кровью. А дальше пошло по сказке про курочку Рябу. Бабушка пыталась вытащить косточку — не вытащила. Нина Большанина пинцетом тянула-тянула, не вытянула... Марианна Сергеевна держится за голову, бегаёт полнотью «не в себе»: «Наташа, Наташа, ну сделай хоть что-нибудь!». Наталиус к маме: «Лялька, спасай!». А время вечернее, обеим пора на Ученый Совет. Плюнула мама на все Советы, завернула вконец сомлевшего кота в тряпицу, сунула за пазуху под пальто и бегом на Белинскую к старой Майковской, известному в Томске зубному врачу. Влетела в калитку, а ей навстречу две овчарки. Вежливенько принимают, видно котика учуяли. Мама так и встала столбом, а ну как... На ее счастье из дверей выглянула сама Майковская, собач отогнала. «Вы ко мне? — Да вот, знаете, такая идиотская история... — Бывает, как же, я своим кошкам частенько пинцетом вытаскиваю». Попробовала. Не тут-то было! «Ого!» Взяла подходящие щипцы. «А ну, держите!» Наложила щипцы, раз... и выдернула. Смазала, как положено, ранку йодом. А потом улыбнулась маме: «Сейчас он самый счастливый из нас троих!»

ГЛАВА 9

1 июля 1923 года поступил на рабфак, заведующим финансово-хозяйственной частью, служил до 1 октября 1924 г., ушёл по своему желанию. С 1 апреля 1925 г. работал в Трудовой Кустарно-Кооперативной Артели «Медведь», объединённой Промсоюзом по 12 ноября 1926 года.

С середины двадцатых годов начинает сбываться давняя заветная мечта: осенью 1926 года, после многих хлопот, связанных с выделением участка, Майковские заложили, наконец, свой плодово-ягодный сад, сделав первые посадки по адресу ул. Белинского, 36. Раскорчёвка леса была произведена ранее. После закладки сада выстроили капитальный бревенчатый сарай с бетонным погребом, сеновалом, небольшой первоначальной теплицей, потом, ближе к 30-му году, собрали бревенчатый дом.

Наступило самое трудное и ответственное время. Решался основной вопрос: смогут ли немолодые уже люди осуществить давнюю мечту на практике, или по трудному времени перенесут её на потом, а то и вовсе откажутся.

Станиславу Клементьевичу исполнилось 45 лет, у него неважное здоровье после ранения, тифа, заключения в НКВД, Мариамне Семёновне 44 года, они по-прежнему не имели жилья, снимали квартиру на улице Черепичной, 22. Дочке Гале 15 лет, она ученица трудовой школы.

Все вместе начали создавать будущую усадьбу, высадив за два-три сезона сотни саженцев.

В тетради «Плодовый сад» за 1926 год приведены списки десятков сортов яблонь, рябнок, груш, сибирских и дальневосточных ягодных кустарников.

В саду собиралось всё, имеющее местное сибирское районирование, с прицелом на выведение своих собственных новых морозоустойчивых сортов.

На следующей фотографии, состоящей из двух снимков, виден сарай, пока без пристроенной в будущем теплицы, сад и ближайшая часть территории, огороженная для хозяйственной деятельности. На дальнем плане – хозяйственные

постройки размещавшегося на соседнем участке (справа) детского дома.

На следующем снимке виден первый венец сруба дома. Снимок сделан со стороны сада.

В это же время Май-

ковский находит себе работу агронома в Западно-Сибирском обществе сельского хозяйства и Центральном рабочем кооперативе.

Январь 1927 года – член Запад. Сиб. Об. с/х. Май 1927 года – член Правления Запад. Сиб. Об. с/х. 1928 г. – агроном при Томском ЦРК. Январь 1929 г. – агроном при Горсовхозе ЦРК.

Т О М С К О Е

Общество потребителей
Ц е н т р а л ь н ы й
РАБОЧИЙ КООПЕРАТИВ

Ц. Р. К.

3/ IX 1929 г

№ 3119–3–9

г. Томск, пр. Ленина, № 1

В ПРАВЛЕНИЕ ЗАП.-СИБ. О-ВА С/ХОЗЯЙСТВА
№91 от 21/VIII-29г.

Сообщаем, что представитель Зап.-Сиб. О-ва С/Хозяйства т. Майковский Станислав Клементьевич, командированный Вами как специалист по приемке и хранению овощей в нашем ЦРК, по своим познаниям, исполнительности и внимательному отношению к делу является ценным сотрудником. За время его работы с 1/X-1927 по настоящее время т. Майковским было проявлено серьезное отношение к делу и вполне обоснованные указания как во время приёмки овощей, так и во время хранения овощей – избавили ЦРК от убытков.

ПРЕДПРАВЛЕНИЯ /Квятковский/
ЗАВ.ТОВ. ГРУППОЙ /Магит/

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
Общество
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
№ 80

9 января 1930 г.
г. Томск
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим Правление Западно-Сибирского Общества сельского хозяйства удостоверяет, что т. Майковский Станислав Клементьевич состоит членом Общества с 1927 года.

С 1927 г. по постановлению Правления командирован в Томский Центральный рабочий кооператив в качестве специалиста-консультанта по приёме, хранению и заготовке впрок овощей, неся одновременно и общественную работу в Обществе.

В течение четырёх лет т. Майковский проделал большую работу в своём саду по культивированию плодовых деревьев, ягодников и декоративных растений в Сибири.

В настоящее время производит ряд успешных опытов по акклиматизации культур груши, лимонника и винограда в открытом грунте в томских условиях. Результаты опытов заслуживают поощрения и особого внимания со стороны учреждений и организаций, заинтересованных в развитии плодоводства как особой отрасли сельского хозяйства.

Зам. пред. Правления Бичол

Дворец Труда, в этом же здании располагался Центральный Рабочий Кооператив.

М. Ю. Бичол в двадцатые-тридцатые годы развернул в Томске работы по селекции, став продолжателем отцов-основателей, профессоров Кащенко и Крылова. Он пошёл на рискованный шаг: взял в банке 5600 рублей, и заложил два производственных питомника – один в 6 гектаров, на Степановке, другой, в 16 гектаров, – на юго-восточном склоне ярлыкских отвалов, неподалёку от железнодорожной линии Томск-I (сейчас там располагается жилмассив).

Риск оказался оправданным: 250 тонн малины, выращиваемой в питомнике, экспортировалось в Англию, ещё столько же перерабатывалось для населения Томска. А всего здесь произрастало 27 видов плодово-ягодных культур и кустарников, в том числе 25.000 саженцев яблони, 15.000 – малины и 71.448 древесно-кустарниковых.

Конечно же, в Англию малина поставлялась не в свежем или мороженом виде, а в качестве варенья, пастилы, джемов. Производством занимался Центральный Рабочий Кооператив, которому Майковский помогал в деле консервирования и переработки ягоды.

Сельскохозяйственное Общество вело методическую работу по развитию садоводства в Запсибкрае, занималось распространением передового опыта, издавало литерату-

ру, проводило выставки.

На следующей фотографии запечатлено собрание правления Общества (Майковский второй справа).

В 1929 году закончилась эпоха советской новой экономической политики, тогда же Майковского лишили избирательных прав. Если бы это проявлялось только в отсутствии возможности принимать участие в голосовании и отоваривать кар-

точки в госторговле – куда ни шло, но дети «лишенцев» тоже наказываются, им запрещено получать высшее образование. Широко известна фраза, якобы сказанная И. В. Сталиным: «Сын за отца не отвечает», по всей видимости, на дочерей она не распространялась, в результате чего дочь «лишенца» Галина Майковская была «вычищена» из Томского университета. Последнее сподвигло Станислава Клементьевича начать борьбу за возвращение своих гражданских прав.

Он пишет во Всероссийскую Центральную избирательную Комиссию при ВЦИК РСФСР письмо:

Я лишён избирательных прав согласно Конституции РСФСР по ст. 69 за службу в армии Колчака. Считаю лишение избирательных прав неправильным...

Что и говорить, храброе начало для подобного рода жалоб и прошений, стекавшихся в Москву со всех городов и весей СССР.

...В настоящее время работаю в Западно-Сибирском Обществе сельского хозяйства и кроме того состою инструктором по приёмке, хранению и консервированию овощей при Томском Центральном Рабочем кооперативе... особой Аттестационной комиссией я зачислен в командный состав Красной Армии. Торговлей никогда не занимался, недвижимости не имел и не имею.

При обжаловании первой инстанции ГорИзбиркома в последующие инстанции вплоть до Сибирской Избирательной Комиссии было отказано, при этом ни мотивов, ни оснований, которые послужили причиной отказа, мне ни разу не объявлялось и не указывалось, несмотря на неоднократные мои заявления о том, чтобы мне были указаны причины моего лишения... что заставляет меня обращаться для восстановления прав в Центральную Избирательную Комиссию.

Что касается моей службы у Колчака, то таковая была в силу мобилизации, и притом исключительно на хозяйственных должностях.

Работая как специалист по приёмке, хранению и консервированию овощей при Томском Центральном Рабочем кооперативе, из прилагаемой справки от 3/09/29 видна моя полезная деятельность на продовольственном фронте в тот момент, когда вопрос продовольствия требует особенной интенсивности в деле отдачи всех знаний такому острому вопросу как продовольствие.

Почему и прошу в избирательных правах меня восстановить.

Видимо, положение на продовольственном фронте в это время было совсем неважное, поэтому, как ни удивительно, в июле 1930 года С. К. Майковского в избирательных правах действительно восстановили, что позволяло дочери Галине поступить в 1933 году в Томский Стоматологический институт.

Местная избирательная комиссия также прислала извещение:

ИЗВЕЩЕНИЕ

Гр. С. К. Майковскому
 Прож. Черепичная д.22

На основании постановления Том Окр комиссии от 30 июня 1930 года за № 53 Вы в избирательных правах восстановлены и из списков лиц лишенных избирательных прав исключены.

Председатель комиссии

Далее в автобиографии читаем:

1930 г. декабрь – уволен по личному желанию в виду прекращения плодовоощного дела.

Майковского принимают на работу агрономом железной дороги, где на земле, принадлежащей МПС (Министерство путей сообщения), создаются коллективные садоводства, а также выделяются участки под индивидуальные огороды железнодорожникам для посадки картошки, других овощей, и с целью озеленения. Индивидуальные участки помогали выжить семьям железнодорожников в условиях всеобщего дефицита продуктов, связанного с проведением коллективизации, а коллективные предназначались для снабжения питанием вагонных буфетов Транссибирской магистрали.

1931 г., январь – агроном в Новосибирской ТПО.

В 1932 году назначен агроном-инспектором при Сибстройпути.

СПРАВКА

Дана сия агроному-инспектору Сибстройпути Майковскому в том, что при объезде посевной на 3-ем строительном участке получил ушиб правой ноги и зубов во время схода с пути автомашины.

5 мая 1932 г.

Член правления (подпись)

С.С.С.Р. – Н.К.П.С.

Центральное Управление

По сооружению жел.дорог

СИБСТРОЙПУТЬ

Отдел рабочего снабжения

«СтройОРС»

17/VII 1934г. № 1-5

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоящее удостоверение агроному тов. Майковскому Станиславу Клементьевичу в том, что он состоит на службе с начала СибстройТПО, а затем (после реорганизации) в СибстройОРСе с 1-го февраля 1932 г. по 25 апреля 1934 г. в должности Агроном-Инспектора и освобождён от работы согласно заявления по болезненному состоянию.

За время работы т. Майковский вел инструктирование и инспектирование системы ОРСа Сибстройпути по постройке овощехранилищ, по хранению овощей, посеву овощей и зерновых, принимая ежегодно непосредственное участие в посевной, прополочной и уборочной кампаниях; причём за время работы т. Майковского процент порчи овощей в системе СибстройОРСа в овощехранилищах был ниже установленных нормативов.

В 1934 в апреле уволен от занимаемой должности согласно личному желанию. 1934 г., май – старший агроном линейно-кооперативных буфетов Томской жел. дороги. 1937 – агроном Райтрансторга в гор. Тайге.

Железнодорожная земля распределялась в коллективах согласно числу работающих на данном участке.

Вот, к примеру, список рабочих профосмотра станции Судженск: «*Всех рабочих н/о – 75 чел.; Членов семей – 300 чел.; Земли при усадьбах – 10 га; Земли выделено рабочим под участки – 5 га.*»

Здесь пригодились знания Майковского – топографа и землемера, но главная работа всё же была агрономическая. Он целиком и полностью отвечал за организацию посадок и конечный урожай на коллективных участках, за проведение агротехнических мероприятий в нужные сроки, в том числе и с оказанием помощи на индивидуальных участках, читал лекции по правильной агротехнике огородных и садовых культур.

Вот официальная сводка, заверенная подписью и печатью.

Сводка весенней посевной на 6 июня 1937 года по 6-й дистанции пути

<i>Охвачено рабочих.....</i>	<i>587</i>
<i>План посевной в га.....</i>	<i>200</i>
<i>Картофеля.....</i>	<i>168</i>
<i>Капусты</i>	<i>14.0</i>
<i>Свеклы.....</i>	<i>2.1</i>
<i>Морковь.....</i>	<i>1.4</i>
<i>Помидоры</i>	<i>7.0</i>
<i>Редиска, редька</i>	<i>1.4</i>
<i>Кормовые.....</i>	<i>2.1</i>
<i>Прочие.....</i>	<i>3.3</i>
<i>Итого.....</i>	<i>209. 3</i>

Дело касалось не только картофеля и огородных овощных культур. Высаживалось большое количество ягодных и цветочных растений. Список посадок по «трём точкам»:

	<i>ст. Тайга</i>	<i>ст. Богашово</i>	<i>ст. Яшикино</i>
<i>Яблони</i>	<i>42 шт.</i>	<i>30 шт.</i>	<i>44 шт.</i>
<i>Малина</i>	<i>650 куст.</i>	<i>700 куст.</i>	<i>430 куст.</i>
<i>Смородина</i>	<i>87 куст.</i>	<i>40 куст.</i>	<i>75 куст.</i>
<i>Земляника</i>	<i>1500 куст.</i>	<i>300 к.</i>	<i>1100к.</i>
<i>Цветники</i>	<i>55 кв.м.</i>	<i>70 кв.м.</i>	<i>145 кв.м.</i>

Существовала строжайшая отчётность по каждому мероприятию. Даже проведённая лекция – и та должна быть подтверждена справкой с печатью местной профорганизации. Осталось огромное количество справок за 1937 год, которые Майковский не успел сдать до ареста:

СПРАВКА

Дана агроному Тайгинского Райтрансторгпита тов. Майковскому, в том, что 9 мая 1937 года проведена на собрании коллектива 5 околотка Службы Пути ст. Тайга агро-беседа по плодоягодному озеленению и индивидуальному огородничеству.

Месткомпути (подпись)

Печать

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ТРАНСТОРГПИТОМ ПОЛУЧЕНЫ ОДНОЛЕТНИЕ ПРИВИТЫЕ РАСТЕНИЯ ЛИМОНЫ.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ ПО ЦЕНЕ 8 РУБЛЕЙ ЗА РАСТЕНИЕ в ТАЙГЕ в ОРАНЖЕРЕЕ ПЧ 5

ГЛАВА 10

В тридцатые годы сад Шкроева вошёл в возраст плодоношения.

Работая на Сибирской железной дороге, Майковский часто выезжал в командировки, привозя отовсюду плодовые деревья, кустарники. Особый упор делался на выведение новых морозостойких сортов стелющихся яблонь, винограда, груши, а также чёрной и красной смородины, крыжовника, барбариса, дальневосточного ореха.

На снимке видны совсем небольшие ещё яблоньки, давшие отличный урожай уже в начале тридцатых годов. Истинной гордостью сада являлся виноград, росший на шпалерах вдоль забора. За десять лет работы был выведен сорт, зимовавший в почве при томских морозах до 50 градусов.

Много внимания уделялось и цветникам, украшавшим усадьбу. Майковский занимался ими наравне с плодово-ягодными культурами: выписывал семена, луковицы, собирал, привозил откуда только можно новые сорта, высаживал в саду, составлял письменные отчёты-наблюдения. Сохранились его заметки о разведении тюльпанов, ирисов, лилий, роз. Необыкновенно хороши были белые лилии с особенно крупными цветами превосходных форм.

Приведём окончание одного такого «цветочного» отчёта (стр. 9-10), касающегося разведения конкретного сорта лилий на участке.

Размножение Liliium condidum производил детками. Пересадка через 3-4 года, глубина посадки 10-15 см. Не выносит влажных мест, на что надо обратить внимание, благодаря этому в первые годы у меня были большие отходы и размножение шло плохо, кроме того, требует посадки слегка затемнённой.

Весьма отзывчива к удобряемой поливке, которую надлежит проводить до цветения. Во время засухи требует обильной поливки. Время пересадки и отделения деток – август месяца.

Подсушки не требует. Для того, чтобы продлить цветение, надо при распускании цветка удалить пестик (цветы держатся до 10 дней). Гибридизация с другими видами лилий до настоящего времени была безрезультатна.

Кроме указанной лилии можно рекомендовать Даурскую лилию, вполне морозоустойчивую, но требующую тень.

С. Майковский

г. Томск, ул. Белинского, дом № 36

Клумбы в саду разбивались повсеместно, они создавали чувство уюта и красоты. Южная и отчасти восточная стороны дома были оформлены плющом.

Под окнами, выходящими в сад на восточную сторону, росли высокие «золотые шары», а на переднем плане по периметру клумбы разноцветные флоксы.

Длинные цветочные ряды соседствовали со специально разбитыми цветниками.

Цветники создавались различных форм, как классических, так и в духе социалистического реализма.

Однако главную прелесть сада несомненно представляли романтические уголки вокруг беседок и скамеек, вроде этого:

Мир радостного чистого бытия – такой создавалась усадьба.

Поздним вечером после трудов праведных семья собиралась на кухне за самоваром.

Как и полагается всем советским гражданам, с утра до вечера они трудились на обычной работе: С. К. Майковский – агрономом на железной дороге, М. С. Майковская в больнице, А. И. Шкроев в институте, а Г. С. Майковская на занятиях в Стоматологическом, но летние, весенние и осенние вечера семья проводила в саду.

Как Ваше здоровье? Ли, Алёши? Выполняешь ли ты, Марусенька, обещание? Я здоров. Целую. 14/4/32 Стась. Новосибирск.

Работа агронома железной дороги состояла из частых, долговременных командировок. Вот открытка, посланная из Новосибирска 14 апреля 1932 года:

Дорогие мои Маруся, Галя! Вчера я вернулся со 2-го участка в Новосибирск; завтра уезжаю в Кемерово, 3 участок и Кузнецк. После заеду на денёк домой. Здесь полная весна, тепло, снегу почти нет, как там у Вас?

Хорошо жить ребёнку в семейной усадьбе, где при доме есть сад. И зачем нужен, спрашивается, детский сад, если есть мама, папа, дедушка и бабушка. Ещё каждый день приходят баба Валя и баба Лида. Недостатка в воспитателях Лия не ощущала.

Ей можно было без боязни выходить из дома. Вокруг располагалась неприкосновенная территория семьи, её мир. С двором, клумбами, деревьями и цветами. Она была повластной хозяйкой этого мира, где даже новые сорта яблочек назывались её именем.

Современным городским детям, не имеющим даже двора, не то что двора – песочницы, на которую не наезжали бы машины и которую не посещали бы собаки, существовать непросто.

Выйдя из дверей подъезда, нынешний ребёнок оказывается непосредственно перед бампером ворчащего автомобиля, в дыму выхлопных газов. Он ничем и ни от чего не

защищён, как только за спиной захлопывается квартирная дверь.

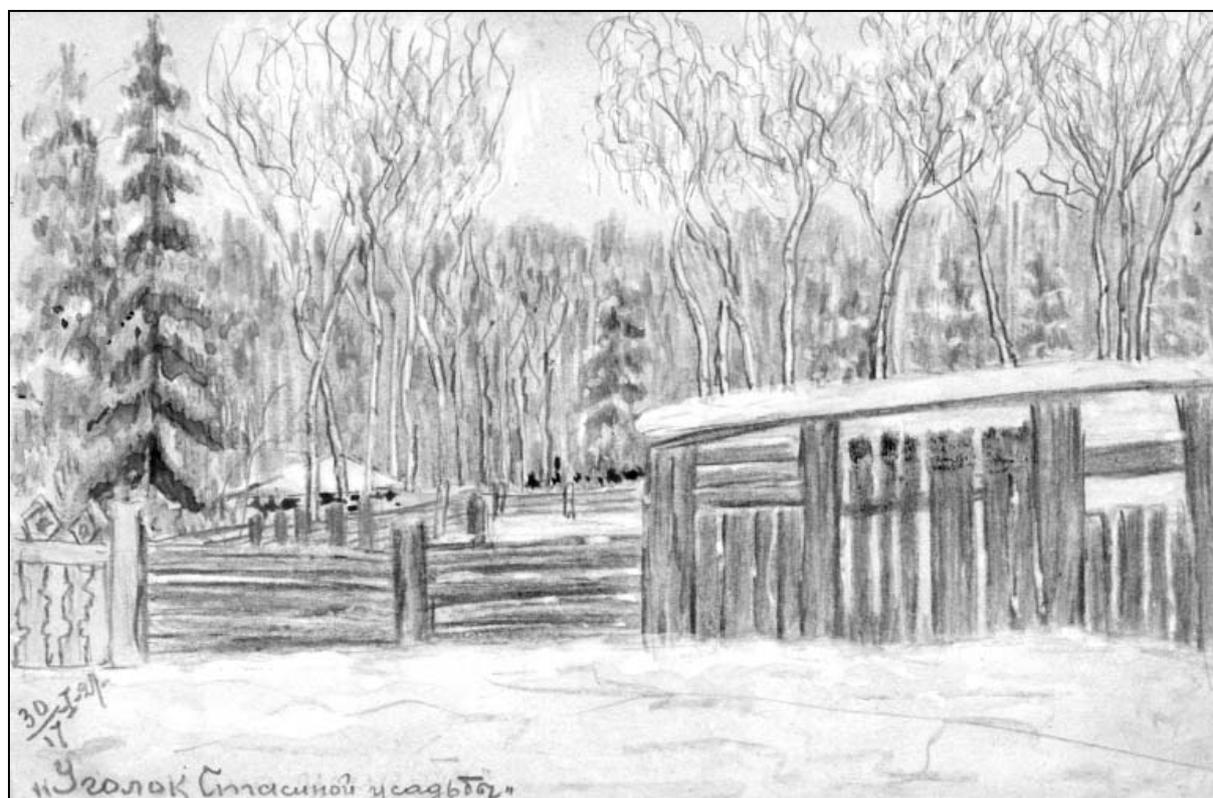
Дети с младых ногтей должны привыкать к жизни на ничейной территории, которая подчас бывает опаснее сталкерской зоны. Лия ещё принадлежала к поколению городских детей, у которых были свои дворы.

Да, уж здесь есть где побегать, попрыгать!

Ну, а с папой можно сделать красивый букет.

Со студенческих лет А. И. Шкроев увлекался рисунком и фотографией. Рисовал карандашом, тушью, акварелью, со временем перешёл на масло. Приведём несколько акварелей и карандашных рисунков города Томска и его окрестностей, интересных с точки зрения временной перспективы, относящихся к 1926-27 годам.

«Уголок Стасиной усадьбы»

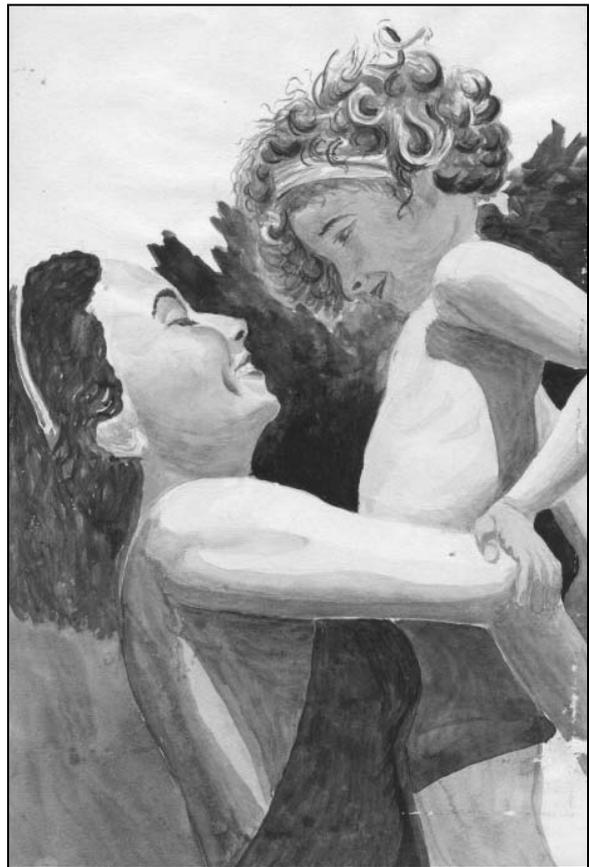
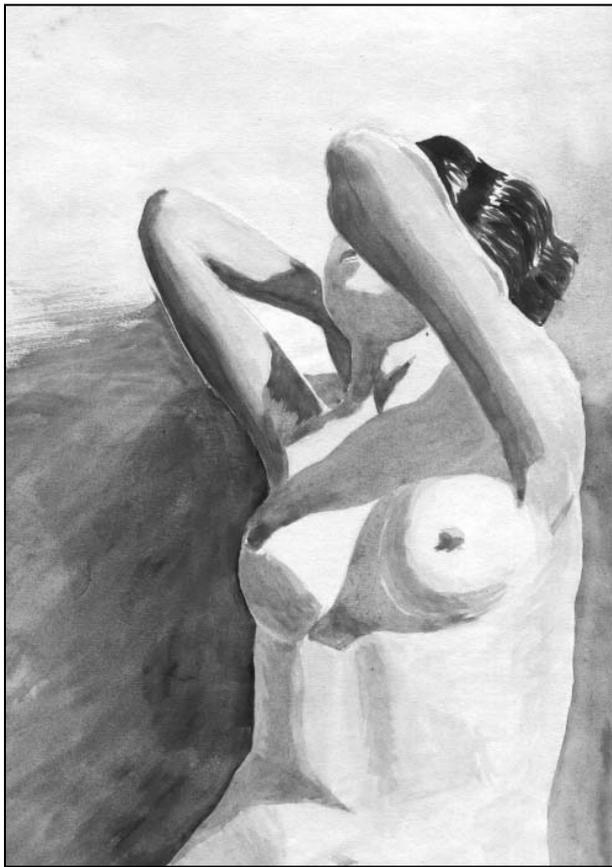
По надписи можно сделать вывод, что в 1927 году Алексей Шкроев уже был хорошо знаком с Майковскими. Скорее всего, благодаря сестре Мариамны Лидии и её мужу Валериану Аркадьевичу Седмиградскому, который тоже был из Каинска. Судя по всему, он знал семейство Шкроевых прежде, и когда те в начале 20-х переехали в Томск, знакомство продолжилось. Нынешнее место соответствует расположению сада на Белинского, 48, а до войны – Белинского, 36.

«Усадьба № 26 по Шумихинскому переулку»

«Зимняя горка»

К тридцатым годам относятся акварельные рисунки без названий, сделанные в обычном альбоме.

В 1936 году большая работа А. И. Шкроева «О вековых возмущениях планеты Гестор от Сатурна» была представлена на городской научный конкурс и получила премию. По отзыву профессора Горячева, она «типа кандидатской диссертации». Теория движения так называемых «Троянцев» в небесной механике того времени представляла несомненный интерес. В том же году была подготовлена диссертация. В 1936 году Галина Майковская с отличием окончила Томский стоматологический институт.

Максимальная нагрузка по саду, конечно, лежала на плечах Станислава Клементьевича. Вот стихи в его честь, подаренные на день рождения неизвестным автором.

БОТАНИКУ – ОПЫТНИКУ

Станиславу Клементьевичу Майковскому

*...Он вас встретит очень рад,
Вам покажет виноград,
Здесь и роза, здесь и вишня,
Всё растёт – ничто не лишне.
Тут и саженцев есть грядки
В превосходнейшем порядке,
Тут и яблоки с плодами –
Всё растёт его трудами.
Честь тебе, Майковский, слава,
Ты не много носишь сала,
Износился, как скелет,
Поживёшь не много лет.*

*Двинешь дело по пути,
Там с тобою не шути.
Помни Сталинское время...
..... славу всей Сибири
И комиссии не раз были...
Удивляется комиссия:
Дядя Влас, сестра Анисья,
И военный, и ГОРЗО,
И как будто всем назло,
А особенно сей год –
Кто же скажет: «недород»?*

*Тут в саду всего избыток.
Не большой же твой пожиток,
И не алчен ты на клад,
Всем даёшь бесплатно, брат,
Семена, присадки, розы
(терпят лютые морозы)*

*...
И для родины стремишься,
И простуды не боишься,
И за этот тебе труд
Со сторицей воздадут*

*...
Привет тебе, Майковский – дядя,
На тебя не мало глядя,
Смотрят с завистью друзья,
Все завидуют, и я.
В твоём садике уютно,
Тут зайдёшь и не попутно,
И некстати – посмотреть,
Да не будешь сожалеть.
А Майковский в свой черёд
Людей просит в огород,
Просит милостью друзей:
«Ну, пожалуйста, скорей!».
На слова старик не скуп,
Просит кушать чай и суп.
Что ещё желать нам другу?
Рассылай семян в округу –
В Омск, Иркутск и Енисей,
Знай, Майковский, – больше сей.
Где бесплатно, где за так,
Кто зовёт его «чудак» –
Рассылает без гроша,
Сам остался – в чём душа.*

*...
Есть и слава, есть и честь,
Есть что в садике поесть.*

К середине тридцатых годов стало возможно не то что поехать в «садики», но даже и представить на выставку достижений народного хозяйства. В том числе и новые сорта, выведенные Майковским менее чем за десять лет.

Урожай 1936 года: яблоки, дыни – таскать не перетаскать.

Нынешняя Томская область в 30-х годах прошлого века входила в Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске. В 1936 году Майковского пригласили принять участие в краевой выставке садоводов-мичуринцев. Имеется черновик его ответа:

Уважаемый Выставочный комитет!

Вашего распоряжения, переданного по телефону, точно выполнить не могу по следующим причинам:

1. Муляжей у меня нет и сделать их не из чего.

2. Выслать паспорта не могу, ибо они у т. Перова в ГОРЗО, если же Вам они нужны, то вышлите бланки, и я их заполню.

3. Могу представить свежие плоды сбора этого года в конце августа, следующие сорта:

Российские крупноплодные яблоки:

Скрижапель, Антоновка полуторафунтовая, Белый налив (омский), Бабушкино, Плодовитка, Пудовщина, Анис серый, Титовка, Грушовка Московская...

Крупноплодные сибирского происхождения гибриды:

Сибирский самородок, Антоновка Андреева, Анис Кингсфатера, Сеянец Бабушкино Майковского...

(Всего 24 крупноплодных сорта)

Ренетки мелкоплодные:

Жёлтый челдон, Пурпурный ренет, Сеянец пудовщины, Ермак мичуринский, Сестричка Кортусова, Сеянец Майковского Лия, Сеянец Майковского Муся, Сеянец Майковского Сибирячка....

(Всего 19 сортов ренеток)

Кроме того:

Груша Темпа,

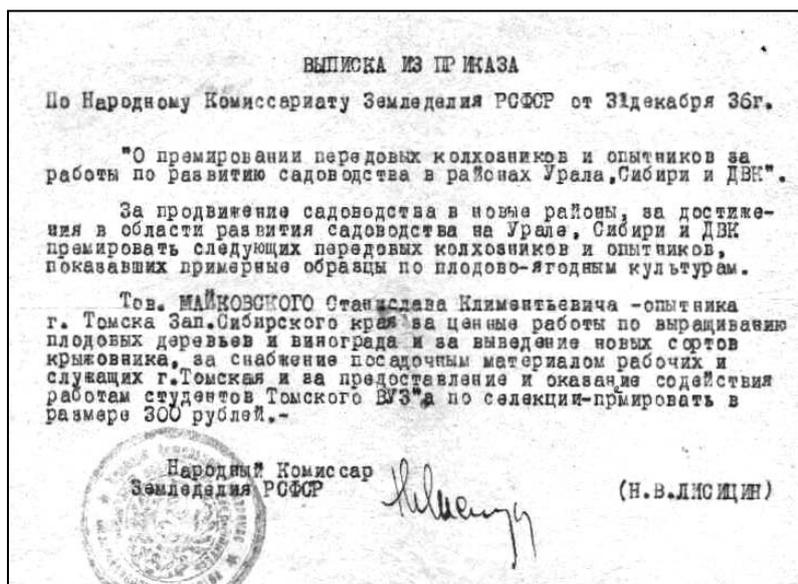
Манчжурский грецкий орех,

Крыжовник: Сеянец Майковского, Сибирский богатырь,

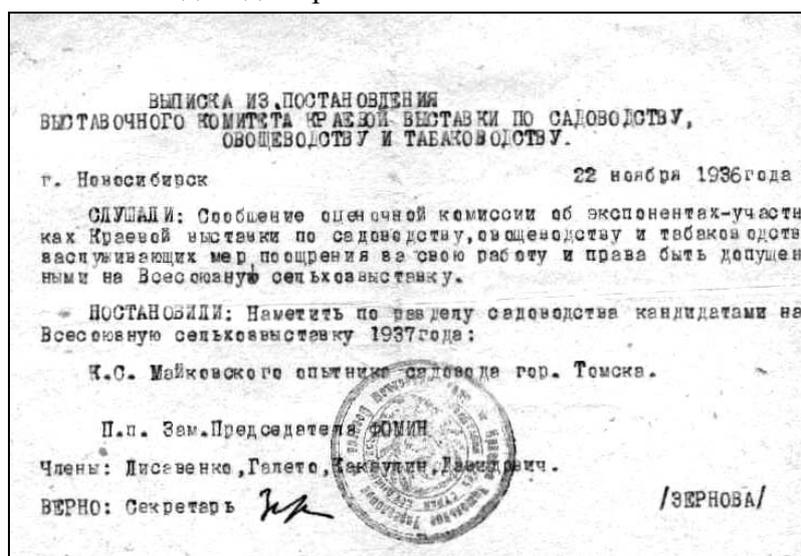
Виноград Мичурина «Северный чёрный».

Новосибирский Выставком согласился принять вместо муляжей плоды и ягоды, и С. К. Майковский принял участие в сельхозвыставке 1936 года, по её итогам был награждён.

Во-вторых, Выставочный комитет Краевой выставки ЗапСибкрая по садоводству, овощеводству и табаководству от 22 ноября 1936 года постановил наметить по разделу садоводства кандидатом на Всесоюзную сельхозвыставку 1937 года С. К. Майковского, опытника-садовода гор. Томска.

север. Морозоустойчивые сорта стелющихся яблонь требуются во всех уголках Сибири и Дальневосточного края.

Майковского приглашают на совещание Западно-Сибирского и Дальневосточного краёв, проводимое Комиссариатом Земледелия РСФСР. На нём он выступил с большим докладом.

На межкраевом совещании для ЗапСибкрая в январе 37 года были разработаны ассортименты морозоустойчивых сортов, рекомендуемых к разведению.

Среди сортов Северной зоны (севернее 54 параллели):

Яблоня: Сеянец пудовщины, Непобедимая Грелля, Ранет пурпуровый, Янтарка Кащенко, Столовое белое Богдана, Лия Майковского, Гибридный Челдон, Сеянец Ветлужанки, Райка Копылова, Сеянец Житовки, Сестричка Кортусова.

Но совещания, выставки – это общественная работа, а у него основная работа агронома при железной дороге, связанная с многодневными командировками по всему Тайгинскому отделению.

Во-первых, Народным Комиссаром Земледелия РСФСР Н. В. Лисициным был премирован как передовой опытник «за ценные работы по выращиванию плодовых деревьев и винограда и за выведение новых сортов крыжовника, за снабжение посадочным материалом рабочих и служащих города Томска и за предоставление и оказание содействия работам студентов Томского ВУЗа по селекции – премировать в размере 300 рублей».

Среди членов Выставкома фамилия будущего главного садовода Сибири академика Лисавенко.

Огромная десятилетняя работа начинает приносить плоды даже в суровом климате. Садоводство делается модной темой передовиц газет и журналов, в которых требуется от садоводов распространять согласно заветам Мичурина ареал садоводства дальше и дальше на север.

Удивительно, откуда он черпает силы, из каких ресурсов, ведь здоровья практически не осталось.

Приведём листок нетрудоспособности того же 1936 года.

Майковский С. К. оперирован 15 июня 1936 года в Госпитальной Клинике

Освобождение от работы – с 13 июня

Приступить к работе 4 июля

Городская больница Томского горздрава

19 ноября 1936 г.

СПРАВКА

Дана гр. Майковскому С. К. в том, что он находился на излечении в хирургическом отд. Горбольницы с 10 ноября по 19 ноября.

Зав. отд.

Городская больница Томского горздрава

14 декабря 1936 г.

СПРАВКА

Дана гр. Майковскому С. К. в том, что он находился на излечении в невролог. отд. Горбольницы в связи с обострением хрон.поясн.крестц. радикулита, и ... (неразбочиво).

Зав.отд.

С 10 января 1937 Майковскому выдаётся направление на ВТЭК и назначается пенсия по инвалидности 3 группы.

В саду всегда много работы, он требует к себе внимания и летом, и осенью и весной.

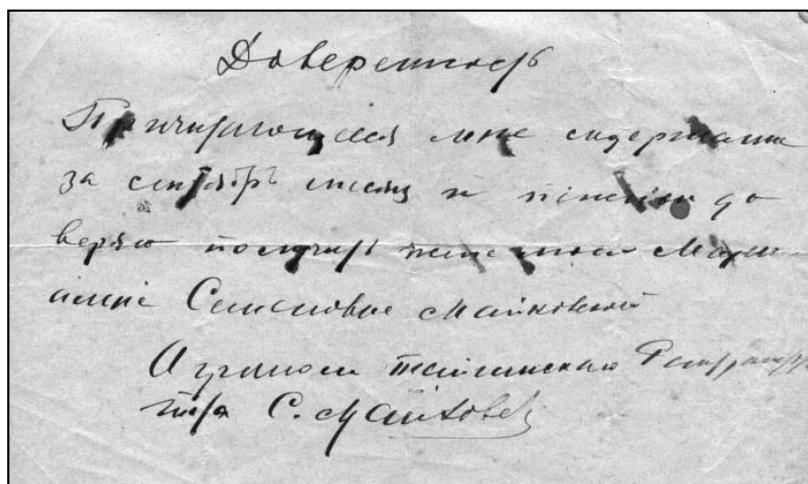
На фотографии осени 1937 года у Майковских, кажется, нет сил улыбаться, они сидят рядом, пытливо глядя прямо перед собой, словно пытаются рассмотреть будущее. После многих трудов праведных нет уверенности в будущем, несмотря на все достижения и успехи.

8 сентября 1937 года С. К. Майковский отправлен в командировку в Новосибирск на три дня. Последняя командировка, последний месяц жизни.

Он как будто предчувствовал скорый арест, и торопился. 13 сентября получает карточку на топливо и успевает до 29 числа вывезти дрова и уголь со склада, чтобы в холодную зиму 37-го семья не замёрзла. Один талон из шести отсутствует. Больше по этой карточке никто никогда топлива не получал.

Единственная весточка от С. К. Майковского после ареста – пришла написанная его собственной рукой уверенность:

Причитающееся мне содержание за сентябрь месяц и пенсию доверяю получить жене моей Мариамне Семёновне Майковской. Агроном Тайгинского Райтрансторга С. Майковский.

После ареста мужа Мариамна Семёновна писала письма во все инстанции с просьбой сообщить хоть какую-то информацию.

Однако все письма оставались без ответа. Даже направленное в Томскую городскую прокуратуру в 1939 году.

Заявление прокурору г.Томска от Майковской:

Прокурору города Томска гражданки Майковской Мариамны Семёновны, проживающей в городе Томске Белинской улице, 36, кв 1

Заявление

Прошу Вас поставить меня в известность относительно местопребывания моего мужа Майковского Станислава Клементьевича, родившегося в 1881 году 22 марта и арестованного 29 сентября 1937 года; последнее место службы – агроном Райтрансторгпята в гор. Тайга

13 мая 1939 г. Майковская

То, что власти не сообщали родственникам о судьбе арестованных, было общим правилом. При огромном числе репрессированных, если бы родственникам сообщали правду, что такой-то и такой-то расстреляны, даже как «враги народа», даже в виде суровой угрозы: «Смотрите, как мы строги!», таких сообщений было бы слишком много, чаша терпения скоро переполнилась, в результате чего возникла ответная волна народного возмущения.

А если «десять лет без права переписки», или вообще ничего – молчание, то семья надеется, что их отец, мать, брат, сестра живы, и при этом дополнительно находящиеся на свободе попадают на крючок власти: ведите себя тише, не то в судьбе пленника могут произойти необратимые перемены!

Власти знают, что делают! Из Москвы дальше видно!

Ждите, надейтесь и верьте, если невиновен, «наверху» обязательно разберутся и выпустят. Даже советские детские писатели в своих произведениях объяснялись подобным образом с подрастающим поколением: «Главное – не поднимайте шума, производительно работайте каждый на своём участке, органы знают всё, они делают свою необходимую работу. Чем ближе к социализму, тем острее классовая борьба. Враг не дремлет!».

В определённом смысле уже расстрелянные люди продолжали оставаться заложниками власти перед лицом народа.

В канун 20-летия советской власти машина уничтожения двигалась рекордными темпами. Надо было срочно рапортовать об окончательной победе социализма, а в социализме, как известно, нет места «бывшим».

ГЛАВА 11

Неизвестно, где и как С. К. Майковский был арестован.

Если учесть, что большую часть времени он проводил в разъездах, а сам ОРС располагался на станции Тайга, маловероятно, чтобы за ним приехали ночью домой на Белинского, 36. В подобных случаях человека просто вызывали в отдел кадров предприятия, где он работал к определённому времени, а там уже сидели и ждали его сотрудники органов. Всё последующее происходило тихо, спокойно, по раз и навсегда заведённому распорядку. С собой разрешалось взять четыре фунта сухарей, сколько-то табаку и зимнее пальто, многие служащие постоянно хранили этот походный набор у себя на работе. Скорее всего, Майковского арестовали по месту службы.

Дом, в котором проживала семья, был частным, а не получен от власти за успехи в деле строительства социализма, поэтому их не попросили освободить помещение, семья осталась на месте.

Дом всё ещё строился, хотя в нём давно жили. Это касалось как внутренней отделки комнат, так и внешней. Некоторые работы никогда и не были завершены: на среднем окне видны две ставни, на левом ни одной, а на правом, если присмотреться, одна ставня навешена, а другая нет. Ставнями занимался дед Стась. Как в 1937 году его забрали «по линии НКВД», так уже приготовленный для навески ставень и остался стоять рядом с окошком.

И простоял долгие годы, ни много ни мало более 50 лет, семейным памятником под окном, прислонённый к дому, поджидая возвращения хозяина, который когда-нибудь вернётся и навесит его на место.

У Алексея Ивановича Шкroeва на 1937 год была поставлена защита кандидатской диссертации, для чего предполагалось, кроме всего прочего, заполнение большого числа всевозможных анкет, что стопроцентно гарантировало повышенный интерес к его персоне со стороны органов, имеющих целью не допустить в светлый синклит советских учёных людей с тёмным дореволюционным происхождением. Понимая это и ощущая ответственность за семью, он отказался от защиты.

Тем не менее, в 1938 году в главном астрономическом журнале страны выходит его статья, содержащая основные положения диссертации: «Применение способа Альфана к вычислению вековых возмущений Гектора (624) от Сатурна» (1938, Астрономический журнал Советского Союза, XV, 2).

Более астрономической наукой А. И. Шкроев не занимался: в течение пятнадцати последующих лет оставался на скромном посту ассистента Политехнического института, затем работал преподавателем математики в Педагогическом институте. На его плечи после ареста тестя возлегла основная нагрузка работ по саду.

Первое известное письменное изменение названия сада случилось в 1939 году, когда в Трудах Педагогического института вышла статья Г. Н. Блинкова и Л. П. Романова «О химическом составе томских яблок». В ней, в частности, говорится: «*В данной своей работе авторы ограничиваются определением сахаров, кислотности и дубильных веществ в некоторых сортах яблок, выращиваемых в городе Томске.*

Яблоки для анализа взяты у томских садоводов Перова Н. В. и Шкроева А. И...

У Шкроева А. И. взяты сорта – “Анис кинсфатер”, “Анисик № 2”, “Вегетативный гибрид”, “Карагас”, “Непобедимое Грелля”, “Сестричка Кортусова”, “Сеянец Жанна”, “Сеянец Лия”, “Сеянец Муся”, “Сеянец пудовщины”, “Скрыжапель”, “Столовое белое”, “Челдон”».

Несмотря на то, что все плоды вышеперечисленных сортов взяты для анализа из урожая 1937 года, ныне уже поминается садовод Шкроев – таково веление времени.

По окончании стоматологического института Галина Станиславовна работала в медпункте пристани Черемошники, затем в поликлиническом отделении Томской линейной больницы Запсибводздравотдела в должности зубного врача. Трудилась она там почти двадцать лет до 1956 года.

В военные годы кроме преподавания в Политехническом Алексей Иванович работал по оборонному заказу на одном из эвакуированных в Томск заводов.

Гораздо большую известность в общегородском масштабе принесла ему деятельность по организации заготовки овощей на коллективных вузовских полях.

В первую же военную осень 1941 года в Томск прибыло огромное количество эвакуированных, большую часть которых составляли квалифицированные рабочие и инженерно-технические заводские кадры с семьями, коллективы множества научных учреждений, госпиталя с персоналом и ранеными.

Вопрос выживания упирался в самые простые продукты: картошку, морковь, свеклу, капусту. Точнее – в образовавшийся дефицит посадочного материала.

В частности, семена цветной капусты исчезли из товарной сети вовсе, так как производились в Прибалтике, попавшей тогда в зону немецкой оккупации. Отсюда возникала задача – произвести семена на месте. Со многими прочими семенами проблема как-то решалась, но с цветной капустой не получалось, пока в 1942 году за дело не взялся садовод-практик А. И. Шкроев, которому с первого раза удалось решить задачу получения семян в товарных объёмах.

А. И. Шкроев

Томское Городское Общество Мичуринцев

ПОЛУЧЕНИЕ СЕМЯН ЦВЕТНОЙ КАПУСТЫ В ОДИН ВЕГЕТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

1. До революции семена цветной капусты были заграничного происхождения. Московские огородники получали в незначительном количестве семена на месте, однако их опыт не был обобщён и опубликован.

2. После революции около г. Дербент было организовано массовое производство семян цветной капусты, позднее стали получать семена в Средней Азии и Прибалтийских республиках.

3. Во время Великой Отечественной войны возникла необходимость в доброкачественных семенах всех огородных культур, в частности, в семенах цветной капусты

4. Мною в 1942, 1943, 1944 г.г. получены семена цветной капусты в Томске, методом непрерывного роста и при помощи специальных агроприёмов: сроков посева, микроудобрений, вырезка, фотопериодизм и т. д.

5. Как позднее выяснилось, аналогичным методом были получены семена в условиях средней полосы Европейской части СССР.

Получение семян цветной капусты в один вегетативный период

Прежде всего, исходя из наблюдений над ростом цветной капусты, я пришёл к некоторым предварительным выводам, которые, к огорчению наших ботаников, и сообщаю:

1. Цветная капуста растение не двухлетнее, а однолетнее, в отличие от других видов капусты.

2. Цветная капуста, на что указывает её узаконенное название на всех языках, вовсе не является цветной капустой.

Головка цветной капусты – это не соцветие, а неразвившиеся стеблевые побеги, на которых потом, как это полагается, сформируются репродуктивные органы – цветы, а затем и стручки с семенами. Правда, мне было неизвестно, сколько времени понадобится для завершения полного цикла – от семени до семени. Всё же предварительный подсчёт показал, что посев нужно сделать в начале февраля, что и было сделано в 1942 году...

В 1948 году Алексей Иванович уволился из Политехнического института. На Учёном Совете машинально (сказалась, видно, работа в институтской многотиражке) нарисовал шарж на ректора, к сожалению, очень похожий, что тут же отметили некоторые товарищи.

После войны вышло известное послабление: к биографическим корням власти стали не так строги, к дореволюционному торговому прошлому отцов тоже, да и диссертация, всё ещё лежавшая на полке, не только не утратила значения, но даже, в связи с развитием после войны электронно-вычислительной техники, а также с началом эры космонавтики, приобретала реальный практический выход по расчёту орбит небесных тел.

Алексей Иванович решил защитить диссертацию, и вот, собирая необходимые документы, к удивлению своему обнаружил, что не является дипломированным специалистом, то есть диплома об окончании университета у него нет, а есть просто Свидетельство.

О чём откровенно сообщила справка из МВД.

Не дипломированный специалист не имеет права получать кандидатскую степень и даже претендовать на неё.

Почему личное дело студента Шкроева хранилось в архивном отделе МВД? Тоже большой вопрос.

А ведь действительно, пока другие у доски с указкой защищали свои дипломы, он работал в «Комсевморпути», тем более, что

деканат требовал досрочного окончания университета в связи с предстоящей командировкой в арктические широты. Считал ли он тогда, что все необходимые вопросы по диплому отпадут сами в связи с задачей государственной важности, или просто не догадывался, что на защите диплома обязательно присутствовать дипломанту, иначе даже написанный и напечатанный диплом не зачтут автоматически, какие бы подвиги ни вершились при этом в районе Северного морского пути? Неизвестно.

Защищать диплом в 1948 году Алексей Иванович не стал.

Продолжил преподавание математики, перейдя в Педагогический институт и взвалив на плечи общественную работу в Томском обществе садоводов-мичуринцев.

Стоит упомянуть, что Томское общество садоводов было организовано в 1899 году академиком, профессором зоологии Томского университета Н. Ф. Кащенко, который оставил в наследство обоснование возможности выращивания в Сибири стелющейся яблони, сливы уссурийской, розы морщинистой, им написано 175 статей по пропаганде сибирского садоводства.

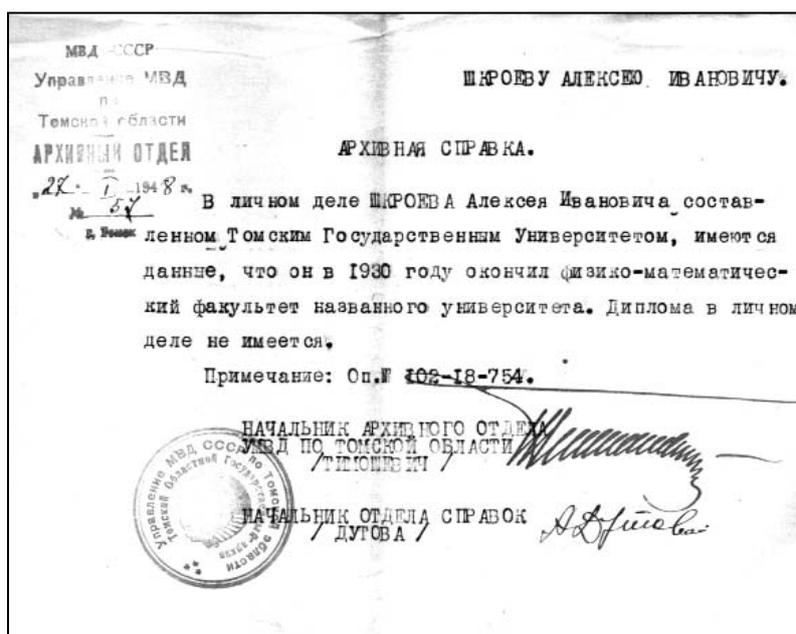
И вот в конце 40-х годов добровольное общество садоводов восстанавливается в Томске.

Приведём отрывок из статьи газеты «Красное знамя», посвящённой столетнему юбилею Ботанического сада, – «Уходит сад корнями в историю» (1999 г.).

«В состав правления были избраны садоводы М. Ю. Бичол, В. В. Позолотин, И. С. Кондратьев, А. И. Шкроев. (Алексей Иванович стал его председателем.) Чем занималось общество мичуринцев? Прежде всего большой просветительской работой. В 1951 году оно провело более полусотни заседаний, причём не только в школах, учебных заведениях и на предприятиях, где велось деятельное вовлечение новых членов, а и на приусадебных участках садоводов-любителей. Здесь специалисты и опытники показывали желающим, как проводить работу по закладке и обновлению садов, какие приёмы наиболее эффективны в селекционной работе, обменивались знаниями, наблюдениями.

Общество устанавливало шефство над школами, колхозами и предприятиями. Закреплённые за ними мичуринцы снабжали их саженцами, семенами, рассадой (делалось это бесплатно)».

И, конечно, самая интересная и плодотворная работа велась по организации ежегодных итоговых городских выставок, на которых экспонировались мичуринские достижения томичей.

Выставки проводились по окончании садового сезона, обычно либо в Доме культуры ТЭМЗа, либо в павильоне Сибирского ботанического сада, работники которого принимали живейшее участие в организации выставок. Стенд самого Ботсада являлся самым представительным, обширным и разнообразным.

Директор Ботанического сада Лидия Палладьевна Сергиевская была давней хорошей знакомой семьи и близкой подругой Мариамны Семёновны. На следующем снимке Лидия Палладьевна у себя дома с котом Буськой (фото из семейного архива Елены Григорьевны Колпаковой – внучатой племянницы Л. П. Сергиевской). Снимок сделан в конце шестидесятых годов.

А вот в 1936 году три поколения семьи Майковских в гостях у Лидии Палладьевны на скамейке Ботанического сада рядом с небольшой пока пальмой, которая ныне занимает целый многоэтажный стеклянный дом.

С начала пятидесятых годов томские выставки мичуринских достижений садоводов и целых предприятий начинают проводиться регулярно, уровень их из городского расширяется до областного.

Процитируем газетную заметку («Красное знамя» от 22 сентября 1951г.):

«В одном из павильонов Сибирского ботанического сада 20 сентября откры-

лась областная мичуринская выставка. Перед взорами посетителей предстают ряды стенов с ароматными плодами. Вот спелые крупные яблоки сорта “Кравченко”, рядом – сочные “боровинки”, “бельфлеркитайки”, “непин шафранный”, “апорт”...

Выросло всё это не под щедрым и жарким солнцем юга, а в условиях нашего сурового сибирского климата.

В этом году работа томских мичуринцев свидетельствует о дальнейшем развитии садоводства в нашей области. Количество экспонатов увеличилось более чем в 10 раз по сравнению с прошлым годом, количество участников – в три раза.

Снова на выставке большое место отведено работам таких известных опытников-мичуринцев, как Шкроев, Позолотин, Перов, Кондратьев. Широко представлена деятельность юных натуралистов и юных мичуринцев. Кроме экспонатов Томской станции юных натуралистов демонстрируются крупные экземпляры овощей, выращенных юными мичуринцами школ №№ 1, 9, 12, 30, 18 и детского дома № 9. Впервые принял участие в выставке Тогурский детский дом Колпашевского района.

Экспонаты Сибирского ботанического сада дают представление о той большой работе, которую проводит коллектив сада по выращиванию технических и лекарственных растений, по выведению и распространению новых морозоустойчивых сортов овощей и фруктов в Сибири. В отдельные дни выставку посещает до тысячи человек. На снимках: центральная часть стенда Сибирского ботанического сада.

Стенд юных мичуринцев Тогурского детского дома:

Воспитанник Володя Кузнецов представил 3 килограмма 400 граммов картофеля сорта “нарымчанин”, полученного с одного куста, Валя Ремешова – тыкву в 12 килограммов весом, Юля Трифонова – помидоры. Урожай помидоров с отдельных кустов она получила по 3 килограмма...».

Стенд сада Шкроева на выставке 1951 г.

На заднем плане – самая большая картина Алексея Ивановича, написанная маслом, изображающая сад, на ней видна застеклённая теплица.

В пятидесятые годы сад переживал эпоху расцвета: достигшие зрелости плодовые деревья давали невиданный урожай. Опыту требовалось оформление в

виде подведения итогов, и Алексей Иванович пишет в это время несколько статей.

В 1951 году появляется большая работа «Виноград в Томске» (Труды Томского государственного университета, том 114), в которой подробно рассматривается гибридизация и акклиматизация винограда в суровых природных условиях Томска за 25-летнюю историю существования сада.

Некоторые выдержки из работы приведены ниже:

«Попытки вырастить виноград в г. Томске были сделаны различными лицами, но

культурный виноград неизменно вымерзал, а если перезимовывал, у него весной выпревали почки. Поэтому в первую очередь была поставлена задача вывести зимостойкий сорт, годный или для еды, или, во всяком случае, для изготовления вина. За исходные формы предполагалось взять Амурский виноград и какой-либо культурный сорт, совпадающий с ним по времени цветения.

Для этого из южных районов страны выписывались чубуки и саженцы культурных сортов. Амурский виноград 25-летнего возраста имеется в саду, но за этот срок цвёл всего 3 раза. Имеется и мичуринский сорт Буйтур, куст которого, защищённый с северной стороны забором, прекрасно рос и давал урожай до 16 кг.

Культурные сорта вели себя хуже – вымерзали вместе с корнями, нужно было на перезимовку вынимать их из грунта.

В 1934 г. получены были чубуки винограда, найденного в лесу в пределах Башкирии. Куст этих чубуков зимовал без укрытия.

Цветы этого куста были опылены смесью пыльцы Буйтура и культурных сортов. Осенью, перед заморозками, были сняты вполне вызревшие плоды синеватого цвета. На следующий год семена недружно взошли и были отправлены в школку. Осенью несколько саженцев были выкопаны и отнесены на зимовку в погреб, а остальные оставлены в грунте, где и вымерзли. Зимовавшие в погребе были высажены весной на постоянное место с плохой почвой, около забора, невдалеке от берёз, которые значительно иссушают почву в том месте.

Ежегодно часть саженцев на зиму прикрывалась, часть оставалась без прикрытия. Сохранилось всего два куста (№ 114, № 115), которые с третьего года зимуют без прикрытия, но весной, после схода снега, на время притеняются валежником.

Первое цветение было на седьмом году от посева в 1941 году. Плоды мелкие, чёрные. В последующие годы грунт сменили на питательный, с примесью минеральных удобрений. В результате в последующие плодоношения размер ягод стал увеличиваться.

Ягоды вызревали не каждое лето, вкус посредственный, но зимостойкость отличная».

Далее в своей статье А. И. Шкроев излагал подробную агротехнику выращивания винограда и перспективы селекционной работы над виноградом в условиях Сибири на открытом грунте.

В 1954 году в Трудах по лесному хозяйству, вып. 1, вышла статья, где обобщался опыт работы со стелющимися яблонями, – «Ускоренное формирование стланцев яблони в питомнике».

Вместе с другими садоводами из городского общества Перовым и Позолотиным Шкроев принимал участие в Сельскохозяйственной выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Экскурсоводом у стенда Томской области трудился Перов, а самая близкая к посетителям корзина с лучшими яблоками была из шкоровского сада.

По итогам одной такой выставки Алексея Ивановича наградили первым советским телевизором «Ленинград» с жидкостной линзой. В то время телебашни в Томске не было, делались первые попытки телетрансляции из корпуса Политехнического института.

По итогам Всесоюзных выставок 1954 и 1958 годов А. И. Шкоров был удостоен медалей.

Алексей Иванович у павильона Выставки в 1958 году.

С начала пятидесятых годов усадьба Стася становится Ноевым ковчегом.

Лидия Семёновна Островская после выхода на пенсию продолжала работать учительницей в селе Протопопово, но со временем здоровье ухудшилось. Она переехала в Томск к сестре. Сюда же Алексей Иванович забрал жить свою маму Валентину Евграфовну, – после смерти отца.

У молодого поколения, Лии, оказалось сразу три бабушки: баба Муся, баба Лида и баба Валя. Это первое поколение. Второе – Алексей Иванович и Галина Станиславовна. На фотографии они стоят в ограде собственного сада.

Лия Алексеевна окончила институт железнодорожного транспорта и по распределению была направлена работать в Красноярск, там вышла замуж, вследствие чего могла приезжать к родителям только в отпуск.

В феврале 1958 года в доме на Белинского 48 получили справку о реабилитации Станислава Клементьевича Майковского:

«Постановление бывшей тройки УНКВД по Новосибирской области от 6 октября 1937 года в отношении Майковского Станислава Клементьевича отменено и дело производством прекращено».

Стало быть, не было даже суда, а имелось постановление той самой пресловутой безликой Тройки. Какое постановление? О чём? 29 сентября взяли, 6 октября расстреляли?

Но как можно задним числом отменить произведённый расстрел? Государство уничтожает человека по своему высшему плану, и, сообщая о том лишь через двадцать лет его семье, даже не извиняется при этом, а лишь констатирует, что постановление отменено, а дело прекращено. О том, что убили, прямо не говорят, завуалированно намекают – де, было постановление Тройки.

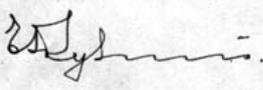
В августе 1958 года получено свидетельство о смерти С. К. Майковского. В нём причина смерти сформулирована. Оказывается, решение Тройки совершенно ни при чём, умер сам, в 1942 году, от воспаления лёгких. Место, где умер, не называется. Вместо него длинный-предлинный прочерк.

Однако же Книга о репрессированных Томской области называет другой год смерти – 1937 и другую причину – расстрелян.

В конце пятидесятых годов добровольное общество мичуринцев прекратило своё существование. Это было вызвано тем, что в соответствии с постановлением правительства стали создавать сады на предприятиях и в учреждениях. Тогда был организован и городской совет садоводов на оплачиваемом содержании.

Практически сразу, как само собою разумеющееся, коллективные сады стали считаться таковыми лишь номинально, фактически земля делилась внутри коллектива на индивидуальные участки, на которых семьи рабочих и служащих заводов, фабрик, больниц и научных институтов по вечерам после трудового дня, в выходные и отпуска выращивали плоды и ягоды, обеспечивая свои семьи витаминами на долгую сибирскую зиму.

Садоводы-опытники старой закалки и в 50-х годах, и в 60-х продолжали свою деятельность, снабжая всех и вся посадочным материалом. Это в полной мере относится к Алексею Ивановичу Шкроеву, по обширной его переписке наглядно видно, что запросы приходили со всей Сибири и с Дальнего Востока. Писали не только любители-мичуринцы.

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР	
КРАСНОЯРСКАЯ ПЛОДОВО-ЯГОДНАЯ ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ	
№ _____	14 августа 1966 г.
Гор. Томск. ул. Белинского, 48, кв. I ШКРОЕВУ А.И.	
Уважаемый Алексей Иванович!	
Просим Вас выслать в адрес нашей станции саженцы красной смородины, выведенного Вами сорта ЛАКОВАЯ в количестве 25 штук для испытания. Все расходы по пересылке и стоимости саженцев Вам будут оплачены по преискуранту.	
Директор станции:—	В.И.АРХИПОВ.
Ст.научный сотрудник:—	 Е.П.КУМИНОВ.

Оказывал А.И. Шкроев помощь и в становлении Бакчарского опорного пункта садоводства.

Уважаемый Алексей Иванович!

Большое спасибо за поздравление с Новым Годом и добрые пожелания.

Дела опорного пункта идут неплохо. Прошлый год мы закончили с хорошими хозяйственными результатами. Чистая прибыль составила 30 тыс. рублей. Планы на 1966 год большие. В области науки это прежде всего выведение новых сортов смородины и яблони. Будем производить скрещивание в объёме 16 тыс. цветков.

Немалая работа предстоит и в области сортоизучения плодовых и ягодных культур. Будут закладываться новые участки сортоизучения. Только за 1965 г. мы собрали 196 сортообразцов плодовых, ягодных и декоративных растений. На днях решится вопрос о прирезке опорному пункту 10 га земли. В прошлом году такая же площадь была освоена. Вообще с пополнением площадей под сад и питомник дело продвигается трудно.

Через год мы опять будем ощущать земельный голод. Сейчас готовимся к зимней прививке яблони и груши. В этом году предстоит облагородить 140 тыс. дичков.

Почему не прислали черенков «Изумительного»?

У нас многие продегустировали Ваши яблочки и согласились, что они оправдывают своё сортовое название. Присылайте в марте черенков. Через нас Ваш сорт получит широкую дорогу в сады не только Томской области, но и всего Российского Севера.

Очень и очень хотелось бы получить от Вас весной черенки кр. смородины, о которой вы отзывались так лестно, а также лучшие сорта имеющихся у Вас крыжовников и других интересных культур.

Желаю Вам в Новом Году прекрасного здоровья, больших успехов в работе, садоводстве особенно.

С уважением, Гидзюк И. К.

6/1 – 66г.

Много сил и времени посвящалось цветоводству, к разведению цветов Шкроев относился трепетно. Их с Галиной Станиславовной дом был до чрезвычайности гостеприимным, здесь всегда кипел электрический самовар, был накрыт стол, вкусно пахло только что испечённым, часто не первым за день и не вторым «тортиком». Особенно удачно получался по фирменному домашнему рецепту торт «Мазурка», за столом сидели гости, иногда разговоры переносились в сад и благодаря обилию цветущих с ранней весны до поздней осени цветов ни один человек не уходил домой без букета.

В доме и саду царили приветливость, дружеское расположение и сердечность, те самые, о которых в юности писала Галя Майковская в своём поэтическом альбоме:

Мы любим дом, где любят нас.

Пушкой он стар, пушкой он душен,

Но лишь бы тёплое радушьё

Цвело в окне хозяйских глаз...

В 1955 году Лия порадовала бабу Мусю, бабу Лиду и бабу Валю правнучкой, а Алексея Ивановича и Галину Станиславовну внучкой Галей.

В связи с трудными жилищными условиями молодых специалистов в Красноярске старшее поколение взяло воспитание маленькой Гали на себя.

Младший брат Гали Виктор приезжал из Красноярска на «историческую томскую родину» в летнее время.

С середины шестидесятых годов усадьба на Белинского, 48 попадает «под снос». В доме запретили прописку, и каждый год по весне приходила комиссия, обещавшая снести, запрещая что-либо садить в саду, «потому что этим летом обязательно снесут, можете даже не сомневаться». Бесконечные группы строителей перемеряли площадь под будущей котлован.

Сносить не сносили, зато частенько отрезали водопроводную трубу, будто забывая, что в доме ещё живут люди.

Если бы не поддержка друзей-садоводов, общественности и газеты «Красное знамя», этот один из немногих уголков зелени в центре Томска без всякого сомнения был уничтожен ещё в советские времена. Приведём текст письма, пришедшего в редакцию «Красного знамени», областной газеты.

Уважаемая редакция!

От имени многих любителей природы и как патриоты родного края мы возмущены намерением городской архитектуры снести сад Шкроева. Его надо сохранить и потому, что это последний уникальный уголок природы из индивидуальных насаждений (мы не говорим о его ценности как источника размножения посадочного материала для других), и потому, что, уничтожив этот сад, мы растопчем веру многих людей и особенно детей в справедливость местного Совета.

Шкроева обвиняют в том, что он запустил сад. А как же его было не запустить, если у Шкроева в уходе за садом отняли самое главное – воду. Несколько лет назад нашлись «умники», которые не только отрезали водопровод, но не поленились подогнать самосвал и щебнем засыпать старый колодец, чтобы начисто лишить Шкроева даже мысли о возможности восстановления водопровода. И Шкроев несколько лет на своём

горбу по ведёрку носит воду от соседей или из колонки за сотню метров, чтобы полить растения. Даже на кухне водопровода не оставили.

Как, позвольте спросить, расценивать такое отношение работников советских учреждений к человеку, который всю свою жизнь пестовал красоту для людей, выводил новые сорта тоже для людей?

Надо не только сохранить сад Шкроева, но и создать ему нормальные условия для дальнейшей работы. И прежде всего саду нужна вода. Неужели те несколько сотен вёдер воды, что понадобятся старому селекционеру для поливки сада раз в месяц, обезводят город? Её в несколько раз больше утекает через порванные трубы. Иногда по улицам и проспектам города бурные потоки из лопнувших водопроводных труб текут неделями и месяцами, а их как будто никто не замечает. Просим редакцию газеты «Красное знамя» вмешаться в это дело и помочь не только отстоять от гибели сад, но и дать туда воду.

От имени старых садоводов Томска В. Троценко, А. Акимов и др.

Сад Шкроева смог выстоять, пережить трудные девяностые годы. Так много сил вложили в него основатели – Мариамна и Станислав Майковские, так страстно о нём мечтали, так долго, через многочисленные испытания, к нему стремились, что жизнеспособности этой с запасом хватило для того, чтобы усадьба, возможно, единственная из всех прочих частных в Томске, смогла перейти из двадцатого века в двадцать первый в прежних размерах, с сохранившимся до сих пор домом, где на кухне стоит оплот и надежда сибирской жизни – русская печь.

Сегодня с южной стороны сада во всю его длину выросли многоэтажные дома, лишившие территорию солнечного света, в связи с чем плодовый сад перепланирован в сибирский ландшафтный парк с богатейшим и разнообразным представительством хвойных и лиственных растений, свезённых сюда со всех уголков Сибири и Дальнего Востока.

Сергей Константинович Данилов

Сад Шкроева – люди и судьбы

Документальная повесть

Редактор *Ирина Киселёва*

Вёрстка *Олег Карташов*

E-mail: kov@fphoto.tomsk.ru

Гарнитура «Times New Roman».